

Андрей Кулинский

БЕГИ ЧЕРЕЗ ЛЕС

16+

Андрей Анатольевич Кулинский

Беги через лес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62791357

SelfPub; 2020

Аннотация

Прошлое преследует Пилар и ее младшего брата Пабло, куда бы они ни подались, но в маленьком приграничном городке одной из стран Латинской Америки, расположенном на окраине дикой сельвы, им, кажется, наконец удастся обрести покой. Пилар устраивается на работу и поступает в университет, а Пабло находит новых друзей в школе. Вот только спокойствие длится недолго, и вскоре за Пилар и Пабло вновь начинается охота, им придется скрываться, как и прежде, потому что они оборотни, а их кровь очень дорого стоит. Для подготовки обложки издания использована художественная работа Андрея Трамваева.

Содержание

Глава первая.	4
Глава вторая.	21
Глава третья.	47
Глава четвертая.	57
Глава шестая.	78
Глава седьмая.	85
Глава восьмая.	101

Глава первая.

Совершенно бурлящий, где шум становился частью воды, поток капель и воздуха заморозил профессора, подобно огню, или действию актеров на сцене. Дикие латания щекотали ноги, от перелива света хотелось плакать и смеяться.

– Каждая жизнь обретает смысл в чужой жизни, – говорил профессор, всматриваясь в искрящийся светом фонтан.

Лучи солнца преломлялись сквозь поток, расплываясь красочными пятнами по полу и стенам, зеленеющим зарослями пышного колючего каперса и пухнувшей от жары белены, вросших в металлические балки, вытесняющих пожелтевшие стекла высоких, во всю стену, толстых окон.

Заброшенная оранжерея была символом увядающего города, расположенная на окраине, порой привлекала она внимание не меньшее, нежели центральная городская площадь. По вечерам здесь собиралась молодежь, по пятницам и субботам фотографы привозили женихов и невест для красивых снимков, иногда сюда забредали случайные туристы, а будним днем оранжерея пустовала, и профессор любил приходить сюда, чтобы помечтать о своих книгах или помыслить о своей жизни.

Посреди главного зала оранжереи, большого остекленного овального помещения, был выстроен макет окружающей

город природы. Бьющий в центре макета фонтан символизировал вырывающуюся в глубине леса на поверхность подземную реку, горячие воды которой брали свое начало под обломками взорвавшегося сотни лет назад вулкана. Реку обрамляли берега из черного песка и похожих на маленькие бриллианты стеклянных камешков, на границе которых начиналась жирная, плотная, словно переплетение молодых мышц, сельва. Профессор никогда не был там, хотя лес находился не так далеко и манил его с детства. Иногда он ненавидел себя за подобную нерешительной, терзался мыслями, что жизнь сложилась именно так из-за проклятого леса, из-за страшных историй отца о садах дьявола, прятавшихся в глубине сельвы. Так профессор создал своего героя, полного его антипода, высокого и сильного мужчину, защищавшего город от лесных созданий. Истории подвигов персонажа приходили внезапно, наяву или даже во сне, раньше профессор бросался к тетрадке, а теперь было достаточно взять в руки телефон и записать новый сюжет. Посещая оранжерею, профессор проглядывал, каким маршрутом может пройти новая история.

Но сегодня все было иначе. Сегодня вымышленный герой должен был умереть, ведь наконец профессор почувствовал вкус жизни и без его помощи.

– Пилар, – мечтательно пропел он, теряясь в воспоминаниях их недавней беседы.

Она была его студенткой. Он начал вести курс их группе в

прошлом году и тогда не замечал еще ее, невысокую и очень худую, с коротко стриженными волосами, часто носившую мальчишескую одежду. В мыслях профессор, к его негодованию теперь, упускал Пилар прежде, обводя аудиторию своим взглядом, выхватывая для глубоких своих переживаний девушек с красотой иного типа.

Все изменилось после недавней лекции.

– Профессор Аугусто?

Голос, напоминавший скорее бойкого мальчишку лет девяти, нежели взрослую женщину, вернул профессора из мира истории, в который погрузился он в перерыве между лекциями, вспоминая материал для следующей группы, закрыв глаза и сложив руки, скрещенными ладонями на своей груди.

Открыв глаза, сперва он так и подумал, что перед ним стоит мальчик.

– Что? – спросил он, приходя из сна.

– Профессор Аугусто, я хотела поблагодарить вас, я давно это хотела сказать, как мне нравятся ваши лекции...

Профессор стал приглядываться и понял теперь, что говорит с девушкой и весьма милой.

– ...но вы всегда оставляли нам список литературы, а сегодня... – продолжила Пилар.

– Эти списки никому не нужны, – прервал ее профессор. – Я веду курс мировой истории уже многие годы и всегда спрашиваю на экзамене, вот если возникает спорный момент между "отлично" и "хорошо", я спрашиваю по спискам

литературы, что читали, что могут сказать, но вот я заметил, уже последние несколько лет студенты перестали читать вообще...

– Я все прочитала, – теперь уже Пилар прервала его.

– Да? – профессор на миг потерял дар речи. – То есть все, что я задавал до этой лекции?.. То есть у вас что...

Он хотел уже сказать: "у вас что, нет личной жизни?", но прервал себя, вспомнив, что и сам мог прочесть при желании книгу за вечер и сделать еще множество выдержек из нее в свой дневник.

– Я обычно закачиваю книги в телефон и читаю на работе. А сегодня у вас была интересная тема, вы говорили о начале двадцатого века, о том, как рушился мир королей и императоров и на их костях воздвигался новый, и что теперь, чтобы завладеть толпой, правителям нельзя уже просто сообщить миру, что их правление угодно богу, теперь правителями становятся популисты, а потом вы задумались и вдруг стали рассказывать, как молодой и бедный Кристобаль Колон мечтал о карьере мореплавателя, и вот проходят годы, а его дети судятся с кастильской короной за право вечного владения титулом вице-короля Индии...

– Это одна из тем, интересующих меня в истории. Человеческая страсть, из-за которой всегда проливается кровь. Вот Колон представляется нам ученым, мореплавателем, первооткрывателем, мы знаем его прошлое, как учился он понимать течение ветра, рисуя картины на площадях, но узнаем

чуть глубже историю открытия Нового Света и вот уже он охваченный властью заковывает в кандалы аборигенов... Я поэтому всегда и говорю, страсть, самое важное из человеческих чувств, оно пересиливает любое, страсть к власти, страсть к плоти...

– Я хотела спросить список книг по сегодняшней лекции, – напомнила Пилар.

– Ах да... – профессор стал искать среди своих листов с записями. – Тут много всего можно прочесть, много интересного... Вот биографию Хьюи Лонга, потом еще "Гитлер по Шпееру", знаете, надо видеть проекты, чтобы понимать размеры человеческого эго, охваченного властью, и как эта власть, этот популизм разглаживает мысли и чувства других, тут "Банальность зла" Ханны Арендт...

Звонок на урок прервал их. Аудиторию заполнил следующий курс.

– Мне пора бежать, – сказала Пилар. – Спасибо большое за книги.

– Я ведь ничего и не посоветовал... Мысли путаются, но я вижу, вы интересуетесь предметом... Можем мы поговорить как-нибудь, может быть мы выпьем кофе в кафе, напротив.

– Да, конечно, мне очень интересно вас слушать.

И уже вышла она из аудитории, но профессор опомнился, выбежал в коридор и крикнул:

– А как вас зовут?

– Пилар!..

Имя вывело профессора из мечтательного сна, на кресле напротив экспозиции с бурлящей вулканической рекой в заброшенной оранжерее.

– Пилар... – повторил он одними губами.

Ему было близко к пятидесяти, невысокого роста и красотой не блистал даже в молодости, курносый, худощавый, волосы вьются, теперь уже не разглядеть в них рыжеватого огня прошедших лет, полностью разгладились сединой, а на лице по коже сухая сетка морщин, у воротника рубашки на шее переходящая в бугристые складки.

– Ты плоть, – оборвал он полет своих мыслей, – плоть, которая стареет, становится хуже, плоть которая вскоре истлет. Ради чего чужие страдания?

И тут же он вспомнил ее лицо, улыбнулся и утешил себя:

– Кто же еще подарит ей такую любовь?.. Просто так не согласилась бы пойти в кафе с таким стариком...

Он узнал, ее звали Пилар Эстевес, живет она с маленьким братом, воспитывает его одна, перебивается на заработки на местном заводе, где сок каучуковых деревьев превращают в резину, и несомненно мечтает о большем, а профессор Аугусто готов ей многое дать.

Он вскочил с кресла, подошел к экспозиции дикой сельвы, к картонным макетам, среди которых разливался радугой холодный фонтанчик. Профессор огляделся по сторонам, убедился, что никто не смотрит, опустил ладонь в ручеек, изображавший вулканическую реку, и освежил ледяной

водой свое лицо.

– Здесь, у редяющей сельвы, на границе с чужим государством генерал Моралес убьет тебя, – прошипел профессор, обращаясь к выдуманному им герою, чьей жизнью он до-вольствовался прежде. – Не нужен ты мне больше, дорогой Диего, ты угодишь в ловушку, навечно затеряешься в страшном лесу!

Раскачавшись от крика, профессор едва не упал, схватился за края сельвы, разломав несколько картонных деревьев, а в городе будто бы подчиняясь его всплеску эмоций, прогремели раскаты грома и потемневшее внезапно небо озарили молнии, знойный, ленивый вечерний воздух, еще несколько минут назад дрожащий от жары, освежил ветер и стая лисят, поживившись на городском рынке, бросилась, унося запасы краденного в зубах, в сторону леса.

Пышные лисьи хвосты мельтешили под ногами прохожих, бегущих к автобусной остановке у завода резины, оставили несколько волосков золотистой шерсти на липком берегу у вонючего ручья заводских стоков, потеряли еще немного шерсти от внезапного нападения живущих на окраине ворон, уже по лесному больших, желавших отобрать краденное с городских прилавков, и наконец успокоились, в тени деревьев лесной чащи.

Лес был здесь еще одноярусный, и не такой влажный, как в глубине сельвы, под низкорослыми деревьями кустились папоротники, корни которых шуршали от красных муравьев.

Лисята стали полукругом, глядя в глаза друг дружке и улыбаясь, краденое лежало в куче посередине. Один из них, крупнее и старше прочих, едва слышно заскулил и остальные весело включились в песнь победы, кроме самого младшего лисенка, темношерстного, глаза его заискрились страхом и резкий рык привлек внимание вожака. Стоя тут же замолкла, прислушиваясь к лесным шорохам. Вожак прижал ухо к шуршащей листве, все напряженно наблюдали за ним, за глазами его, растущими от гнева, за ощерившейся пастью. Поднял голову и зарычал на лисят. Страшную весть принес шепот листвы, к ним приближался и быстро крупный зверь!

Схватили зубами, что получилось, случайно порвав и рассыпав несколько пачек с вяленным мясом и чипсами, и бросились бежать, сквозь ветки, бьющие по лицу, по скользящему, жирному мху, а зверь все ближе, слышно уже, как рвется под когтями его листва. Вожак сменил направление, бросился к звуку шумящих ручьев, стекавших из под корней обросших цветами деревьев, затем вновь повернул в самую чащу. Зверь немного отстал, но опять развернул всех вожак и сделал еще круг возле точки сбора, известной всем ранее, места, где заканчивалась жизнь лисят и начиналась совсем другая.

Топот маленьких лисих лап вдруг затих, и зверь, огромный черношерстный волк, остановился, сжав землю под лапами острыми когтями, готовясь к рывку. Он прислушивался, глаза его сузились в острые щелки, шерсть поднялась.

Было тихо и вдруг началась возня, и скуление лисят, словно больно им, будто бы их кусают, стало перерастать в стоны, человеческие стоны. Волк оскалил зубы и теперь уже слышал голоса мальчишек, испуганные, переругивались они меж собой. Зашуршала одежда, – "быстрее!" – крикнул один и волк бросился сквозь кусты и деревья на них, но резкая боль замедлила его шаг. Старая рана на спине, глаза заслезились от сверлящих кости нервов, сбавил шаг, остановился совсем, схватил пастью толстую ветку и сжал до боли в деснах, до вкуса крови во рту. А голоса мальчишек все дальше, ускользают, и теперь отыскать их он сможет лишь по следам. Надо спешить, но боль не стихает.

Выпустил ветвь из зубов и тяжело вздохнул, опустив голову к земле. Ведь он еще не стар, но от ран на короткий миг забродил ярко белым рассудок, а теперь боль ушла, вместо нее слабость и судороги мышц. Такие погони больше не для него. Откашлялся и пошел медленным шагом к месту, где лисье скуление превратилось в голоса человеческих детей.

Это место, как он и полагал, оказалось небольшой поляной среди тучной сельвы. Подготовлено заранее, кусты и маленькие деревца вырублены, трава вытоптана. Волк обошел полянку по кругу, опустив нос к самой траве. Лисьи следы здесь искажались, растягивались по земле резким сведением мышц, как бывает при сильных болях, а затем появлялись следы человеческих ступней. Совсем маленькие, кажется, это были подростки. Резкий запах резины от их следов сбивал

остальные. Вся поляна в шерсти с капельками их крови и пота. Он стащил шерсть лапами в кучу и зарыл листвой, и уже уходя увидел во тьме сляющихся широколиственных кустарников нечто странное, похожее на большой белый камень. Подошел поближе и понял, что это кроссовок одного из детей.

Когда он спустился к реке, лапы едва волочились. Он лег на черном берегу, положил голову на холодный песок, смешанный с вулканическим пеплом и окаменелым стеклом, и стал наблюдать, как скользит по тихим волнам лунный кораблик. Ночь сменила вечер, гроза прошла мимо города и небо было теперь совсем ясным.

Дыхание волка стало спокойным и тихим. Он закрыл глаза. Теперь он был готов к превращению. В его возрасте делать это с каждым разом сложнее.

Кровь стала медленно наполнять остывшие мышцы, глаза заболели, сжимаясь, словно кто-то давил на них пальцами, язык обжегся болью полоснувшего лезвия и десны закипели от маленьких трещинок, размягчаясь, меняя форму, и он закричал, задыхаясь, покатился к воде, смяв кроссовок могучей спиной, с которой кусками сползала шерсть, вся кожа чесалась, раскрываясь кровоточащими порами, в которые тут же забивался песок, и дергающимися от судорог лапами он потянулся к спине, но длинные когти обломались о человеческую кожу, мышцы в ногах нестерпимо сдавило, затрясло, он раскрыл глаза, уже свои прежние глаза Диего Салара,

брызнув кровью из под век, глядя как бьются на песке налитые огнем его ноги, как ломаются и вновь зарастают кости в красных, бугрящихся венами ступнях. Горло наполнилось желчью и он сжал глаза, отплевываясь и крича. Еще мгновение, плечи, грудная клетка и позвоночник расправились с хрустом, за которым услышал собственный затихающий, кашляющий вскриками боли голос.

Судороги становились тише, болело от каждого вдоха в груди. Он открыл глаза вновь и увидел над собой звездное небо и пар, вздымавшийся от его тела.

Он лежал на спине, голый, покрытый смешавшейся с песком, потом и шерстью кровью.

Еще миг на холодном песке, судороги ушли и усталость обрушилась на его измученное тело. Но засыпать нельзя. Если никто и не видел его, то крики услышать могли. Еще в прошлом году он почти не кричал, а стоит ли вспоминать то время, когда он был подростком. Тогда казалось, превращение длилось не больше минуты и почти безболезненно.

Медлить не стоило. Он поднялся, стряхнул песок, привязал кроссовок шнурками к руке и вошел в холодную воду, погрузился на миг с головой, чтоб оставить все лишние мысли, и поплыл по течению в сторону города.

Тело слегка покалывало от холода, расходящиеся вокруг него волны приятно шумели, сияя скользящими по ним, словно горкам из черного непрозрачного льда, звездам и луне.

Огни города приближались, сладковатый воздух сельвы наполнился горечью жженой резины и он поплыл к берегу. Здесь заканчивался дикий лес, несколько ручьев отрезали его от поля мягкой травы, по которой приятно идти босиком, а за ней куст роз у деревянного забора, маленький дом с белыми стенами, от одной из которых к столбику во дворе растянута веревка с бельем.

Он перелез через забор, чтобы не скрипеть калиткой, отвязал с руки и положил на скамейку кроссовок, снял с крючка у стены дома полотенце и вытерся. В тумбочке с ящиками для инструментов, стоявшей под летним навесом, у него был припрятан пакет со штанами и футболкой. Там же взял пачку сигарет и зажигалку, оделся и сел на скамейку, закурив, стал рассматривать в свете луны добытый из леса детский кроссовок.

– Это все, что ты принес домой, – спросила его жена.

Она незаметно вышла из дома, пока он переодевался под навесом во дворе, и прислонившись плечом к брусковым опорам крыши наблюдала за ним. Ее глаза сияли луной, а улыбка не могла скрыть поджатых губ.

Он отложил кроссовок, затянулся покрепче и выпустив дым, улыбнулся в ответ.

– Я ведь говорил, что задержусь.

– Говорил, – она вздохнула и подошла к нему, села рядом и взяла кроссовок в руки. – Это что, твое новое дело?

– Не смейся, – он отобрал кроссовок. – это... зацепка в

одной истории. Это может принести деньги.

– Может, – она фыркнула и пошла в дом. – Я разогрею тебе ужин. Он принесет тебе немного сытости и тепла.

Он смял сигарету в кофейной банке, служившей пепельницей, и раскурил новую.

– Так ведь проще общаться, да, Мария? – думал он вслух. – Когда ненавидишь друг друга даже немного легче, как-будто ты ничем не обязан...

Не докурив, сжал сигарету в кулаке, бросил в банку и пошел в дом. Отражение в запотевшем зеркале ванной комнаты как и прежде в дни превращений казалось ему чужим. По волчьим широкие скулы, большой нос, темные глаза, густые брови и черная, с редкими седыми волосками, кудрявая шевелюра.

– Сбежать в лес? – спросил он свое отражение. – Забыться и остаться волком навсегда?

Он и сбежал бы, но здесь, в доме на окраине у берега реки ждала его не только Мария, но и Густаво, их маленький сын, и боялся Диего больше всего за него. Станет он оборотнем, как отец? Придется нести ему тяжелое бремя, скрывая свою личность от властей и бандитов, разыскивающих оборотней ради их драгоценной крови?

Кровь была одной из причин, почему такие как он скрывали свою сущность. Сам он часто спорил с сослуживцами по поводу теорий о крови оборотней. Почему, если она обладает лечебными и омолаживающими свойствами, те обо-

ротни, которых изучали в шестидесятые, не привели ученых к формуле новых лекарств?

Правда, тех двоих нашли уже взрослыми. Эксперименты довели их до смерти и больше известных миру случаев исследований оборотней не было. Тела попавшихся, истерзанных учеными мужчины и женщины, сожгли, а позже, когда архивные видео породили теории заговора и нелепые сплетни, правдивость истории о находке властями оборотней стала шаткой, как городская легенда.

Большая часть населения страны давно уже забыла эту историю, но Диего работал следователем в городском управлении полиции и знал, на черном рынке кровь оборотня ценный товар.

Однажды он уже смог выйти на след оборотней, двух братьев близнецов, прозвавших свой картель ягуарами в честь животных, в которых они обращались. Диего выследил их обращение в лесу и застрелил, едва они стали людьми. Он был намного моложе и глупее. Случись это сейчас, он бы поймал этих двоих и продал. Теперь он даже знал, к кому обратиться.

Как-то во время короткой встречи, один из самых влиятельных людей в стране, генерал Моралес, намекнул Диего о том, что любая информация об оборотнях будет им дорого оплачена. Мария после того случая долго злилась на Диего за то, что упустил возможность и не бросился в ноги генерала, не попросился к нему на работу.

С тех пор помешался Диего на возможности найти оборотня и продать генералу. Ему нужно было именно найти, ведь просто взять и отдать свою кровь опасно. Генерал будет искать, чья она, не найдя никого, начнет следить за Диего, за каждым его вздохом, увидит однажды его превращение в лесу и тогда доберется до Густаво.

Лицо в зеркальном отражении было все тем же, чужим.

– Вот я и нашел оборотней, – сказал отражению Диего.

По его сердцу давно уже пробежала трещина. Волчью натуру считал он подлинно своей и она прошептала:

– Ты ведь искал оборотня бандита. Мерзавца, которого не жалко сдать генералу... ведь ты знаешь, что генерал может сделать с этими детьми...

Но человеческая часть ответила:

– Все равно.

Холодное овощное рагу ждало его в небольшой керамической плошке под бледным, мерцающим огоньком кухонной лампы. Мария курила и смотрела в окно, по звукам отслеживая его действия. Диего положил в рот ложку еды и не чувствуя вкуса, захрустел жареными кубиками батата в соусе из сладких помидор. Мяса было совсем мало и оно было сухим.

– Ты так и не рассказал, что за охренительная история с детским ботиночком? – все так же глядя в окно, сказала она.

Порой Диего удивлялся, как ее милое лицо и большие, искрящиеся любознательностью ребенка глаза, сочетались с ее характером. Щелчком пальцев Мария отправила зажжен-

ную сигарету в форточку и повернувшись к Диего, уселась на подоконник.

– Это... – Диего перестал есть, положив ложку в тарелку.

– Ну?.. Ох, так и знала, – Мария слезла с подоконника, налила стакан воды и выпила, едва не захлебнувшись. – Ты это что, нашел на мусорке для нашего сына?.. Мы и так живем в мусорке. На окраине у этого резинового завода. Ты хоть думаешь о здоровье Густаво? О моем здоровье? Сам то весь день в городе.

– Думаю, – тихо ответил Диего.

– Думает, – Мария бросила стакан в раковину. – Черт, а ведь у тебя был шанс с Моралесом... был. Ты помнишь Альфредо, моего одноклассника? Как же не помнишь. Ты же и посадил его в тюрьму. А вот недавно я встретила его в городе, стыдно в глаза смотреть. Знаешь, что с ним случилось в тюрьме? Он повстречал там какого-то из далеких родственников генерала, подружился, они вышли почти в одно время и Альфредо через этого мужика смог увидеться с генералом и уж он своего шанса не упустил...

– Я видел Альфредо недавно. Он теперь в охране генерала.

– Видел... Сколько раз уже... – голос ее сорвался, она посмотрела сквозь шторы гостинной на запертую дверь комнаты их сына и продолжила шепотом. – Спрашивала тебя, что тебя так тянет в этот лес, пропадаешь там, возвращаешься оттуда по ночам... я знаю, у тебя с головой что-то, но... –

зажмурила глаза, по щекам побежали слезы. – к черту тебя!

Развернулась и ушла. Диего открыл окно. На кухню вместе со свежим воздухом ворвался стрекот ночных насекомых.

– Так легче общаться, – сказал он ночной тьме снаружи. – Но я тебе все расскажу... Я не хочу больше этого, этой ненависти...

Диего захлопнул окно и пошел в спальню, но Марии там не было. Он нашел ее в соседней комнате. В детской, на краю кровати, у ног спящего, закутавшегося в простыню Густаво.

Диего подошел к ней и осторожно положил ладонь на плечо. Мария поерзала, но не повернулась к нему.

– Этот ботинок... – прошептал Диего. – ...от оборотня... ты знаешь, как ценит их генерал...

Мария повернулась. В глазах еще блестели слезы, но печали на ее лице больше не было.

– Но есть проблема... – продолжил Диего. – ...это мальчишка.

Мария улыбнулась.

– Разве это проблема? – спросила она.

Глава вторая.

Не успела еще ночная тень покинуть душные городские улочки, когда Пилар, уставшая и сонная после рабочей смены, спрыгнула с ножки заводского автобуса.

Забегала в круглосуточный супермаркет, зевая в пустых проходах овощного отдела минут пятнадцать вспоминала вчерашний обед.

– Что же ты вчера кушал, маленький мерзавец? – рассуждала она вслух. – Сосиски с макаронами?.. Хм, и время не придется тратить на готовку, Пабло сам все сварит... Нет, у него уже изжога скоро будет от этих сосисок... ночью надо было думать, что покупать, а ты все книжки свои читала...

Суп в банке, две баночки йогурта и бутылка молока. На кассе увидела шоколадку, задумалась, прикусив губу.

– Покупаете? – спросила кассирша.

– Ага.

Ценник вышел неожиданно большим, но не отменять же. Вышла из магазина в легком притуплении, считая деньги в голове, беззвучно шевеля губами, прикидывая варианты до зарплаты.

– Ладно, это шоколадка для Пабло, надо же ему вкусности покупать, – успокоила себя Пилар.

На часах было уже семь, когда она зашуршала ключами у

дверей квартиры, а в мыслях: "первая пара в девять, последняя в два, как ты собираешься не отключаться?"

Очутившись в квартире, словно зомби потянулась на кухню, быстро скинув кеды.

– Кофе, – говорила с собой Пилар чтоб не уснуть, раскладывая купленное в холодильник. – Две ложки, и кружку побольше...

Глаза слипаются, похлопала себя по щекам, поставила чайник в раковину, набрать воду.

– Что за запах?

Едва не провалилась в сон, ставя чайник на плиту, зажмурилась, открыла глаза, и только сейчас посмотрела на пол, под ногами у плиты кусочки слипшейся рыжей шерсти.

– Идиот, – хлопнула себя ладошкой по лбу Пилар и побежала в соседнюю комнату.

Пабло клубочком, в одних трусах лежал на раскладушке, пятки черные, на щиколотках капли застывшей грязи. Простыня валялась на полу вместе с подушкой, весь пол в шерсти и комках земли, одежда в коробке у дверей грязная и сырая.

Ему было четырнадцать, но выглядел он не по годам взрослым, намного крупнее и сильнее сестры, но сейчас, увидев его, спящего, сжавшегося, обхватившего во сне свои колени, ведь как обычно на ночь оставил окно нараспашку, позабыла Пилар весь свой гнев и лишь задрожала, хотелось ей ругаться и плакать, но сил никаких уже не было.

– Дурак, – прошептала она.

Пощупала его лоб. Теплый, все в порядке. Потрясла за плечо.

– Просыпайся, – шепотом, голос куда-то пропал, повторяла она.

– А? – Пабло повернулся к ней, зевая, пытаясь разлепить глаза. – куда так рано будишь?

– Ты чего вчера делал? – Пилар почувствовала, как подступают к глазам слезы, а в горле комок мешает говорить.

– А что такого? – Пабло сел, почесал свою кудрявую шевелюру. – Еще рань такая, я бы спал, а теперь вот разбудила.

– Шерсть, – сказала Пилар. – Весь пол в ней.

– А...

Он встал, поискал взглядом одежду.

– И грязь, – сказала Пилар.

Голос теперь вернулся к ней.

– Иди, немедленно прими душ.

Она схватила брата за руку и повела за собой, включила воду в душе, затолкнула его в ванную комнату и вышла, заперев дверь, оперлась на нее спиной и прижимаясь, медленно опустилась, сев на пол.

– Ну и что такого? – сквозь шум воды донесся голос брата. – Ты ведь знаешь, что это часть меня? Я не могу не превращаться.

– Можешь... – она сжала зубы, в горле пересохло от желания ругаться матом. – Знаешь, что с тобой сделают, если

поймают?.. А твои дружки? Один из них проболтается, решит разбогатеть и все!

– Никто из братства не проболтается даже под страхом смерти.

– Братства... – повторила она и заметила, что на тумбочке для обуви у входной двери чего-то не хватает, – где у тебя второй кроссовок?..

Шум воды стал сильнее.

– Я спросила, где второй кроссовок?

Пилар встала и осмотрела все вокруг тумбочки, сходила в комнату брата и вернулась, сжимая кулаки.

– Где кроссовок?! – ударила она кулаком по двери и услышала, как со скрипом закрылся кран и шум льющихся струй воды прекратился.

– Где? – повторила она, но ответа не было.

На кухне засвистел кипящий чайник, вздохнув, Пилар отправилась к нему. Она уже помешивала ложкой кофе, когда на кухню, осторожно ступая, зашел Пабло.

– Ты вот чего такой злой ко мне? – рассматривая кофейную пенку, спросила Пилар.

– Это случайно... – опустил глаза, ответил Пабло.

Он все ждал, что Пилар будет ругаться, но она молчала. Оставив кофе, смотрела, как солнце рисует на металлических крышах соседних домов огненную черту.

– За нами кто-то гнался, – начал Пабло, – ...мы торопились, кроссовок куда то пропал и у меня не было времени

искать его... я схожу днем и поищу...

– Нет, – ответила Пилар. – Пусть лучше сгниет в этом проклятом лесу.

– Просто... как же мне жить без своей лисьей стороны?.. Ну... я не могу бросить ее, как ты... это... это часть меня, это вся моя жизнь...

– Жизнь, это список дел, – холодно ответила Пилар. – И не больше.

Помолчав, Пабло спросил чуть слышно:

– Что теперь будет?

– После универа пойду тебе за новой обувью... пей чай, пока горячий, в холодильнике есть для тебя шоколадка, – ответила она.

Пабло постоял еще и ушел к себе. Маленькими глоточками Пилар допила кофе и пошла в душ.

Джинсы и рубашка слишком пропахли работой, чтоб носить в приличное место, Пилар посмотрела в шкафу и поняла, что чистой одежды у нее нет. Ничего, зато есть у Пабло. Постучалась и приоткрыла дверь. Пабло плотно закутавшись в простыни, лежал, отвернувшись к стене.

– Что еще ты хочешь? – спросил он. – мне и так стыдно.

– Ничего, переживешь, – ответила Пилар.

Пабло изнашивал одежду куда быстрее ее, поэтому Пилар часто покупала ему что-то новое. Вот совсем не надевал еще светло-коричневые брюки и белую сорочку, покупала ему для школы, чтоб выглядел прилично, а он так и не

носил ни разу.

Унесла к себе в комнату одежду и примерила. Сорочка была длинной и просторной, почти до колен, одела под нее майку, из тех, что пахли посвежее, а сорочку не стала застегивать, закатав рукава до локтей. Брюки тоже пришлось немного закатать. Ремней у нее не было, затянула пояс витой веревкой. Купила как-то такую, чтобы оборачивать ими в холщовую ткань или жесткую бумагу разные вещи.

– Кажется, не так все и плохо, – подмигнула себе Пилар, стоя у зеркала.

Перевязала такой же веревкой стопку тетрадей. Так интересней, чем просто положить в пакет, а этим утром Пилар как никогда нуждалась в таких мелочах, способных ненадолго отвлечь ее от насущных дел.

Но времени совсем мало, пора бежать!

Вновь автобус, металлический и скрипящий, с твердыми, кожаными сидениями. Утреннее солнце слепило сквозь толстые стекла, дорога была длинной и Пилар прикрыла глаза, погружаясь в полусонное состояние.

– Только бы не уснуть, – шепотом сказала она себе.

В солнечном и золотистом тумане полусна привиделся ей университет, древнее и величавое здание, построенное несколько сотен лет назад, в колониальную эпоху. Заложенный как городская крепость из мраморного камня и кирпича университет выстоял под напором нового правительства, уничтожавшего любые намеки на прошлое страны. К концу

жаркого лета стены и колонны здания, блестящие на солнце от влажности, покрывались плющом и порами белого мха, заносимыми ветром из сельвы. Пилар часто видела лица в вещах и предметах, а у университета было свое, складывающееся в ее воображении из арки во внутренний двор и больших окон второго этажа, в мудрое, но очень грустное лицо времени.

Легкий сон развеялся от прикосновения. Кто-то сел рядом и кажется толкнул ее плечо. Пилар открыла глаза. Рядом был крупный и неприятно пахнущий смесью пота и спиртового дезодоранта мужчина.

– Извините, – тяжелым голосом сказал он.

– Ничего, – ответила Пилар.

До университета было еще далеко. Напряжение постепенно ушло. Пилар покрепче сжала в руках сумку и стопку тетрадей и вновь закрыла глаза, с усталостью сложно было бороться.

Теперь ей снилась осень в Италии, млечное небо и холодные воды Адриатики. В полусне можно размышлять и она стала вспоминать римских и греческих поэтов и философов, размещая их на берегу моря, вместе с современными туристами, средневековыми баронами и рыцарями, священниками и тиранами. Море представилось ей живым древним существом, помнящим разговоры с ним всех людей, стоявших когда-то на берегу.

В полусне она вышла из автобуса, улыбаясь, глаза слези-

лись от солнца, а в свободной одежде брата было легко и приятно.

– Наш лес наверно глупее Адриатики. Философы туда не ходят... Лес должен выслушать множество историй, прежде чем станет спорить с морем, но вот только какой так мог бы? Аокигахара в Японии, может быть?..

Мысль показалась Пилар интересной, она решила поискать в телефоне о старых лесах, оставить открытой вкладку в браузере, чтоб почитать вечером, но сумки под рукой не оказалось. Вместо нее прижимала локтем к себе связанную стопку тетрадей.

Пилар остановилась посреди толпы бредущих в университет студентов, судорожно вспоминая:

– В автобусе же была сумка в руках?.. Из дома я ее точно забирала, смотрела по дороге в телефон и положила его туда...

Пилар захотелось надавать себе пощечин. Вспомнила мужчину, подсевшего к ней. Какие у него приметы? Терся о плечо и неприятно пах?

– И куда мне идти сначала? Блокировать карточку в банк? Но там у меня нет денег все равно, все были наличными...

– Пилар! – послышался знакомый голос.

Она оглянулась, растерянно глядя в лица в толпе, никого не узнавая, лица студентов и преподавателей смешались слезами на ее глазах, но вот перед ней вынырнул из толпы окликнувший ее человек, невысокий, с бледной прядью се-

дых волос на морщинистом лбу, с очками в тонкой оправе на кончике острого носа, в сером костюме тройке и блестящих воском кожаных туфлях.

– Профессор Аугусто, – поприветствовала его Пилар, вытирая слезы.

– Что такое, Пилар?

– Меня ограбили, вот...

– Ага, – профессор нахмурился, почесал едва заметную щетину, а Пилар в это время рассказала ему как все было. – Ясно, ясно. Ждите меня здесь!

На мгновение потерявшись в толпе, профессор позвал Пилар за собой. У дома напротив их ждало такси.

– В полицию, – сказал профессор водителю. – Я поеду с вами, Пилар, надо действовать быстро и настойчиво, чтобы сразу передали дело следователю.

– А как же ваши лекции?

– Ничего, у меня днем начнутся лекции, успею. Сначала полиция.

Машина задрезжала, плюясь бензиновым газом и вскоре они уже выехали на центральную улицу.

– Думаете, они найдут что то? – спросила Пилар.

– Пойдем к следователю, посмотрим, что скажет, – ответил профессор.

– Ничего они не найдут, – вмешался в разговор таксист.

В отражении в зеркале Пилар разглядела усталые выцветшие глаза и пышные усы.

– У меня было так, – продолжил таксист. – Украли у жены сумку. Потеряли мы только нервов с этой полицией, пока сидели там, говорили с ними, надеялись. А потом жена нашла свою сумку, изрезанную всю на помойке.

– А зачем изрезали? – спросил профессор.

– Кто их поймет, – пожал плечами таксист. – Звери...

"Звери" – повторила Пилар про себя.

– Вы верите в оборотней? – спросила она.

– Что?

Через отражение в зеркале таксист посмотрел на нее серьезно и потом засмеялся.

– Оборотни, – повторил он, улыбаясь и разглаживая усы.

Они ехали молча еще минут пять и вскоре в жарком дрожащем воздухе перед ними возникло двухэтажное здание полиции, построенная в новых архитектурных традициях, плоская квадратная кирпичная коробка, от внешнего вида которой тревожное состояние Пилар ухудшилось.

Профессор завел Пилар в здание, проводил до дежурного:

– Диего Салар сегодня на работе? – спросил профессор.

– А кто его спрашивает?

– Аугусто Мендес, профессор истории.

Пока дежурный дозванивался до следователя, профессор похвастался Пилар:

– Диего мой старый товарищ... Когда то именно я указал ему жизненный путь, а позже привел сюда... – отведя Пилар от стойки дежурного, так, чтобы тот не слышал, профессор

продолжил, – сирота, родителей никогда и не знал. А я можно сказать, был управляющим его судьбой, устроил в школу, дал возможность получить образование...

– Вы великодушный человек, – Пилар показалось, профессор нуждался в ее признании и лестии. – А этот следователь... он ваш сын?

– Нет, – профессор смутился, подыскивая слова, боясь сказать лишнее. – но после моей смерти он может быть единственный, кто будет хранить память обо мне...

– Я тоже буду, – подбодрила профессора Пилар, взяв его ладони в свои.

Коридоры полиции действовали на нее угнетающе, потеря всех денег словно надоедливая сирена, сверлила сознание изнутри, но профессор вызвал в ней жалость и погладив его ладонь, она вспомнила:

– Я же обещала позавтракать с вами. Вот сейчас поговорю со следователем и пойдем в кафе. У меня к вам столько вопросов по истории.

– Да, – тут же оживился профессор. – Конечно. Диего хороший сыщик и думаю все будет хорошо. Вы наверно не помните картель ягуаров, терроризировавших город? Вам тогда было меньше десяти лет, а вот я прекрасно помню. Бандиты, от налога которых не скрылся ни один торговец городского рынка, сущие дьяволы, братья Альварес. Именно Диего расправился с ними... настоящий герой с твердым сердцем... А тема новой лекции интересная, вам точно по-

нравится. Я хотел вот с какого вопроса начать, с чем у вас ассоциируется серебро?

– Серебро? – задумалась Пилар, а по коридору сзади нее послышались тяжелые шаги.

– Августо, как ты, старик?! – поздоровался незнакомец.

Пилар вздрогнула от громкого голоса за ее спиной и медленно повернулась. Позади нее возвышался широкоплечий мужчина. Лицо его показалось ей странным, слишком диким, слишком неухоженным для города. Широкие скулы, всклокоченная шевелюра, звериный взгляд тяжелых волчьих глаз, задумчиво изучавший ее, и при всем этом незнакомец улыбался, отчего ей стало еще неудобней. Одет он был в джинсовый костюм и Пилар догадалась, что это не простой полицейский, это и был тот самый сыщик, воспитанный профессором.

– Здравствуйте, – кивнул он Пилар.

Она кивнула в ответ.

– Такое дело, Диего, беда, – начал профессор, – это студентка нашего университета, у нее в автобусе по дороге на учебу украли сумку. А там документы, деньги, телефон.

– Что же вы все в одном месте? – покачал головой Диего.

– Не все, документы у меня дома, – ответила Пилар. – А в сумке... так получилось, деньги у меня занимали и вот отдали наличными, я их так и не положила на карточку... теперь наверно ничего не вернуть.

– Деньги скорее всего нет, – сказал Диего, – пойдете ко

мне, все напишете.

Они поднялись на второй этаж. Диего открыл дверь своего кабинета, посадил Пилар за свой стол, положил перед ней лист бумаги и ручку.

– Не волнуйтесь, – Диего похлопал Пилар по плечу. – Я оставлю вас здесь, мы с профессором пока поговорим немного, а вы просто постарайтесь все вспомнить как можно более детально. Запишите приметы преступника, номер автобуса, время, может быть остановку, где он сел и где вышел. Я потом приду и мы ваши показания оформим как положено и уже пустим дело в работу.

Когда Диего закрывал за собой дверь, Пилар расслышала голос профессора в коридоре:

– Не Августо, а Аугусто, все время ты на свой манер...

Она оглядела кабинет. Старые, покосившиеся шкафы вдоль стен, набитые бумагами так, что места уже не было. На полу коробки с бумагами и папками. Навесной потолок в углу кабинета покрыт плесенью и несколько плит сняты, из тьмы за ними по капле протекает труба в железное ведро в углу. Пахло табаком и кофе. Лучи солнца из окна рядом с ней засвечивали пыльный экран маленького монитора. На столе кроме компьютера лежала стопка фотографий с телами жертв, увидев снимки Пилар отвернулась, опустила взгляд на небольшую картонную коробку под столом, которой едва касались ее ноги, и вздрогнула. Сердце застучало быстро-быстро. В коробке, обернутый в полиэтиленовый па-

кет, лежал кроссовок ее брата Пабло.

"Вот кто гнался за тобой" – подумала Пилар. – "Что же нам теперь? Снова бежать из города? Видел он твое превращение?"

Пластмассовая ручка треснула в ее пальцах и на листок побежали чернила. Пилар смяла бумагу, вытерла о нее пальцы и выбросила вместе с ручкой в мусорное ведро. Посмотрела в окно, подбежала к дверям, осторожно выглянула в коридор, профессора и следователя не видно.

– Что же делать? – Пилар застыла, покусывая ноготь и вдруг поняла, что прижала к лицу синий от чернил палец.

Взглянула в зеркало на стене. Теперь и губы синие и подбородок. Взяла со стола еще один чистый лист и вытерла им лицо и ладони, но кажется, только размазала все сильнее.

– Надо выбросить его, выбросить! – сказала она себе и осмотрела еще раз кабинет, нет ли тут камер. – Но куда? В коридор с ним побежишь? Из здания так тебя не выпустят, или спрячешь в туалет? Куда-нибудь там в вентиляцию засунуть? Или, к черту, возьму и выкину его в окно, а на улице подберу...

Еще раз осмотрела коридор, никого нет. Подбежала к столу и достала кроссовок. "Точно его?" – спросила себя Пилар. – "Вспоминай!.. размер, цвет, все похоже...". Руки ее опустились и слабость пробежала по телу.

– Вот идиотка, – прошептала она.

На пришитой к внутренней стороне язычка бумажке про-

чала оставленную ей же надпись "Пабло Эстевес".

Однажды в школе у Пабло украли куртку. Он сказал, что не знал, кто это сделал, а позже Пилар провожала его в школу и увидела эту курточку на другом мальчишке из его класса. Она потребовала куртку у вора, но неподалеку были его родители, позвавшие директора школы. В доказательство Пилар рассказала о нескольких пришитый ей же заплатах, но никто не собирался ей верить, а директор еще и устроил ей выговор. Позже Пабло признался, что продал курточку, потому что Пилар совсем не давала ему карманных денег, а ей соврал.

С тех пор она подписывала все вещи Пабло и теперь, когда он уже выглядел взрослее ее, она продолжала это делать. И этот проклятый кроссовок она тоже подписала своей рукой.

По коридору слышались шаги.

– Следователь... – прошептала себе Пилар.

Она схватила кроссовок и открыла окно. На улице, метрах в десяти от здания стоял и курил у дерева профессор Аугусто. Он заметил ее и помахал рукой.

– У вас все готово?! – крикнул профессор.

– Нет, – ответила ему Пилар и услышала, как открывается дверь за ее спиной.

Развернулась и села на стул за компьютером так быстро, что едва не обрушила монитор.

– Ого, – ухмыльнулся Диего.

Дрожащие руки Пилар под столом сжимали кроссовок.

– Решили проветрить?

– Душно немного.

– Хорошо, – кивнул Диего.

Порыв ветра сбросил со стола несколько фотографий и он нагнулся к полу, подобрать их. Пилар воспользовалась моментом и положила кроссовок в коробку под столом. Диего поднялся, пристально глядя в ее глаза, подошел к ней, положил фотографии на место и сел на краешек стола.

– вспомнили, как выглядел преступник? – спросил он. – И куда делся лист, который я вам давал?

– Вот, – Пилар показала покрытые чернилами ладони. – Я немного... перенервничала.

Диего кивнул, освободил от стопок бумаг спрятавшийся между шкафами стул и поставил к столу.

– Садитесь вот сюда, мне нужно кое что проверить за компьютером.

Пилар встала, незаметно толкнув ногой коробку с кроссовком подальше под стол. Диего занял свое рабочее место, пошевелил мышкой, чтобы вывести компьютер из спящего режима и краем глаза Пилар заметила открытую базу данных полиции с вбитой в поиск фамилией "Эстевес".

– Популярная фамилия в нашей стране, – не глядя на нее, сказал Диего.

– Вы о чем? – Пилар взяла лист бумаги и осторожно начала выводить в правом верхнем углу свое имя.

– Как раз об этом, – сказал Диего. – Вы ведь тоже Эсте-

вес... как и преступник, которого я сейчас ищу...

– Преступник? – Пилар подняла глаза, Диего смотрел на нее.

– Человек, у которого я отнял вот это, – Диего достал из коробки кроссовок Пабло, и Пилар почувствовала холод.

– Отняли?.. А что он сделал? – чужим голосом спросила она.

– Очень плохие вещи... – Диего посмотрел на кроссовок. – Очень плохие.

– Что?.. – несмотря на дувший из окна ветер, ей не хватало воздуха. – Что он сделал?..

– Подставил свою сестру, – Диего развернул язычок кроссовка так, чтобы она могла увидеть его внутреннюю сторону, замаранную синими чернилами. – До вашего прихода этого не было, Пилар Эстевес.

– Откуда мне знать... – ей пришлось отдышаться, чтобы продолжить, – откуда мне знать, что там было и чего не было.

– Зато я прекрасно все знаю, – теперь лицо Диего было серьезным. – Вы понимаете, что мне придется сообщить правительству о том, что ваш брат оборотень?

Пилар опустила голову. Мысли заглушал стук сердца.

– Он не... – она прокашлялась и продолжила шепотом, слова давались ей тяжело. – Он не оборотень... это я... Это меня вы видели вчера...

Диего внимательно изучал ее лицо, каждый дрожащий нерв.

– Когда это было? – спросил он.

– Вечером...

– Где?

– На... – Пилар вспомнила утро, грязные ноги Пабло и тягучий запах резины от кусочков шерсти на кухне. – На окраине, у завода...

Диего отклонился на спинку стула, зажмурился, потер ладонями лицо и спросил:

– На что вы готовы ради брата?

– На все, – упавшим голосом ответила Пилар.

Диего кивнул, достал из ящика в столе визитку и стал набирать номер:

– Вашему брату не обязательно будет ехать к ученым, – сказал он. – Можно решить все проще.

Пилар слышала, как идут гудки. Десять секунд показались ей вечностью, она ждала голос на том конце трубки, хотела попытаться расслышать его, но когда Диего начал разговаривать, она слышала только неразборчивое шуршание в ответ.

– Мне нужен генерал Моралес, – сказал Диего. – Дело срочное.

Шуршание похожее на женский голос сменилось мужским.

– Генерал, – сказал Диего. – Я нашел оборотня.

Пилар отвернулась к окну, стараясь дышать глубже. "Бежать..." – подумала она, но вспомнила про брата. – "Все равно им теперь все известно. Они будут искать. Или сдаться

ему, довериться?.. надеяться, что ей поверят и с Пабло все будет хорошо?..". Голос Диего стал тише.

– Как... как вы это сделаете? – спросил он.

В ответном шуршании разобрала она одно слово:

– ...быстро.

Диего положил трубку.

– Вот и все, – поникшим голосом сказал он. – Я все устроил. Я отвезу вас в одно место. У вас возьмут немного крови... про вашего брата никто не узнает.

Пилар смотрела на него, пытаясь перехватить его взгляд, заглянуть в его глаза, но Диего теперь старался не смотреть на нее.

От звука открывающейся двери вздрогнули они оба. На пороге стоял профессор Аугусто.

– Вы уже закончили? – спросил он.

Диего замешкался, Пилар ответила вместо него.

– Мне придется поехать со следователем... Я... мне нужно показать автобус и где мы с вором сидели...

– Я поеду с вами, – сказал профессор.

– Не стоит, – сказал Диего. – Это все долго, а у вас работа.

Потеряете день.

– Ну что ж, – кивнул профессор.

Когда они спустились на улицу, Пилар остановилась, взяла профессора за руку и прошептала:

– Найдите моего брата.

– Что? – спросил профессор.

– Найдите и скажите... скажите, чтоб бежал без оглядки, – в глазах Пилар заблестели слезы, она взяла ладони профессора в свои. – Сделайте так ради меня, обещайте.

Она развернулась и пошла с Диего, стоявшим неподалеку и наблюдавшим за беседой.

Пока он возился с замком машины, Пилар осматривала стоянку, забор, который она бы смогла перепрыгнуть. "Не садись в машину с теми, кого не знаешь" – вспомнила она, как учила Пабло, но другая мысль перебила первую, – "ты должна выиграть время для Пабло. Обязана. Пока следовательно с тобой, у профессора есть время узнать в деканате твой адрес, приехать и сказать все Пабло, если бы только он никуда не ушел и профессор Аугусто не медлил..."

Диего открыл перед ней дверь.

– У вас есть дети? – спросила Пилар.

– Это не важно, – ответил Диего.

– Нет... – Пилар вдохнула поглубже, – я хочу чтоб вы... поклянитесь здоровьем своих детей, поклянитесь, что я останусь жива.

– Не вам указывать, – Диего посмотрел ей в глаза и тут же отвернулся. – Попробуете сбежать и я поеду за Пабло.

– Идите к черту, – сказала Пилар и села в машину.

– Отлично, – прошептал Диего, занимая место водителя, – все проще, когда ненавидишь...

Последние его слова заглушил шум двигателя. В зеркало заднего вида Пилар наблюдала за профессором, стоявшим

у дороги и следившим за удаляющейся машиной. "Быстрее, Аугусто, иди уже" – мысленно подгоняла она.

Они проехали не больше нескольких кварталов, когда зазвонил телефон Диего. Он подъехал к обочине, остановился и перезвонил.

– Что случилось, генерал?

Теперь Пилар была достаточно близко, чтобы слышать слова на том конце трубки.

– Ты отвезешь ее на другой адрес, стоянка у заброшенной оранжереи, – потребовал голос, шелестящий словно сухие листья мангрового дерева.

– Зачем?

– Я не хочу ждать, пока ты привезешь ее ко мне и потом... груз слишком ценный. Я буду там через двадцать минут.

Гудки. Диего убрал телефон и Пилар заметила, как участилось его дыхание. Он попытался расстегнуть несколько пуговиц на своей рубашке и случайно сорвал одну.

"Они точно меня убьют" – сказала себе Пилар. – "Пабло... надеюсь ты уже на пути к лесу. Двадцать минут... значит у тебя есть еще десять, потом я сбегу"

Диего завел машину и они снова поехали.

– Значит, оранжерея, – сказала она. – Не похоже на лабораторию, где будут брать кровь...

Он промолчал.

– Расскажите мне о человеке, к которому вы меня везете?

Пилар следила за часами в машине: "Еще восемь минут"

и пора... как я это сделаю? Дерну за руль, спровоцирую аварию?"

– Эй, вы слышите меня?

"Семь минут"

– Я что для вас уже мертва?

Машина поехала быстрее. Пилар проверила ремень безопасности.

"Шесть минут"

– Генерал Моралес. Я слышала как вы произнесли это имя... Кто он?

Нервы на лице Диего задргались.

"Пять минут"

– Все его знают, – ответил Диего.

– Кто эти все? Я впервые о нем слышу.

Диего отвернулся от дороги, чтоб посмотреть ей в глаза и вдруг Пилар закричала:

– Стойте!

Он резко затормозил. На дороге перед машиной замер мальчишка, прижимавший к груди резиновый мячик.

– Господи, – вздохнул Диего.

На шее его выступил пот и края воротничка промокли. На миг он закрыл глаза, Пилар воспользовалась этим, перегнулась через него и разблокировала замки, отстегнула ремень и открыла дверь, Диего успел схватить ее за полу распахнувшейся от ветра рубашки, но была она слишком большой для Пилар, ей удалось скинуть рубашку и выскочить из

машины. Диего бросился за ней. Громкий гудок мчавшейся позади них машины оглушил Пилар. За ее спиной раздался удар, свист тормозящих шин и скрежет металла.

– Мальчишка! – испугалась Пилар и повернулась.

Но мальчик все так же стоял посреди дороги, у брошенной машины Диего, а чуть дальше, в конце дымящегося плавленной резиной асфальта покореженный автомобиль с замершим от страха водителем и тело следователя перед ним.

Пилар подбежала к Диего. Он лежал на боку, усыпанный битым стеклом. Лицо исцарапано осколками, но открытых ран не видно, ноги и ребра целы, а руки... Пилар не верила своим глазам. Сквозь кожу на руках Диего пробивалась шерсть. Волчья шерсть.

"Беги!" – шептало ее сердце, но сама не зная зачем, она стала тормошить Диего за плечи, шлепать по щекам, приводя в сознание. Глаза его медленно открылись, словно он был только что в глубоком сне.

– Что я натворил? – спросил он.

– Наконец то, без твоей помощи я тебя отсюда не утащу!

Пилар подхватила его за плечи и потащила с дороги. Диего еще не пришел в себя, едва передвигал ногами, и Пилар спотыкалась под его весом.

– Ну же, проклятый волк, – выругалась она. – Сейчас тут будет твой генерал, давай уже, шевелись!

Вокруг собирались люди, кричали что-то. Диего наконец пошел сам, они выбрались из толпы и спрятались в переулке.

Диего прижался спиной к стене, пытаясь отдышаться. Взглянул на свои руки.

– Не знаю... не знаю почему это происходит, – сказал он. – Несколько раз случалось на службе и дома за последние годы... не знаю почему, но слава богу никто не обращал внимания... никто не узнал...

– У некоторых боль и превращение связаны, – ответила Пилар. – Вот почему.

– Только не смей никому говорить, – Диего зажмурил глаза, обхватив бока руками.

– Сломал ребро? – спросила Пилар.

– Нет... эта спина. Старая травма.

Пилар осмотрелась, но в переулке кроме них никого не было.

– Все просто, – сказала она. – Ты забудешь о нас с братом, а я никому не выдам твой секрет...

Диего промолчал и Пилар решила, что обсуждать больше нечего, но когда она уходила, он крикнул ей:

– Стой! Все не так...

– Что еще не так? – вернулась к нему Пилар.

– Моя жена... она знает как зовут твоего брата... она видела кроссовок.

– Мой брат не оборотень.

– Я знаю, что гнался вчера за ним, а не за тобой... и моя жена знает, я ей все рассказал...

– Вот идиот, – вздохнула Пилар. – И что теперь?

– Она знает генерала, а он найдет ее, когда не дожидется нас в оранжерее и увидит мою разбитую машину, – Диего ошупывал спину, тяжело дыша.

– Отлично, – прошептала Пилар.

Мир, который она с таким трудом создавала для себя и Пабло, рушился, как когда-то давно. "Снова бежать" – сказала она себе. – "Снова прятаться в проклятом лесу". Она взглянула на часы. Генерал уже должен был приехать в оранжерею. "Думай" – шептало ее сознание, а руки дрожали от навалившейся слабости.

– Мы идем за Пабло, – сказала она.

– Мы?

– Поможешь нам с братом забраться поглубже в лес, переждать поиски этого генерала, сделаешь новые документы, и вот тогда я тебя отпущу... А иначе я хочу, чтобы ты был рядом, если нас поймают, чтобы успеть сказать генералу о твоей истинной природе, пока из меня не выкачают всю кровь...

Пилар была в ярости и все же Диего на миг посмотрел на нее отстраненно и перед ним предстала маленькая девушка с горящими глазами.

– И как ты заставишь меня идти с тобой? – спросил он.

– Не шути с жизнью моего брата, волк, – ответила она и ударила Диего в то место на спине, где была его рука.

Диего согнулся от боли, в глазах побелело. Он хотел броситься на Пилар, задушить ее, но голос волка в глубине его сердца прошептал: "остынь... осталось в тебе еще что-то че-

ловеческое?"

Глава третья.

Ночью оранжерея выглядела пугающе. Свет города отражался тусклыми лучами в остеклении увитых растениями стен. Изнутри растения напоминали согнутые в исступлении иссохшие пальцы ведьм, обхватившие стеклянные стены и потолок. Внутри было темно, только слышен плеск воды имитирующего вулканическую реку фонтанчика. Битое стекло скрипело под подошвами профессора, крадущегося в тених оранжереи с фонариком в руках.

– Вы здесь? – спросил он.

– Здесь, – ответил голос Пилар из тьмы.

Профессор выдохнул. Больше всего он боялся, что здесь будет кто-то еще, бомжи или люди генерала, которые могли следить за ним, правда он рассчитывал, что Диего придет один, оставит Пилар в безопасном месте.

Профессор зажег лампу и поднес ее к макету леса, находящемуся посередине главного зала оранжереи.

– Подойдите ко мне, – сказал он.

Он рассчитывал уже услышать привычное "Августо" от Диего, но в свете лампы появилась одна Пилар. Ее лицо скрывала тень капюшона, одни лишь глаза блестели отражением огоньков лампы.

– Диего здесь? – спросил профессор.

– Он нам не нужен, – ответила Пилар. – По телефону вы сказали, что можете показать, где Пабло, и что только здесь, в главном зале оранжереи.

Профессор кивнул и отметил для себя, что руки Пилар держит в карманах куртки, и как-будто сжимает что-то в руках... Пистолет Диего? Ножи?

– Днем ты была в другой одежде, – сказал он. – Ты приходила к себе домой? Это слишком рискованно теперь.

– Диего приходил, – ответила Пилар. – А эту куртку я украла у одной нерасторопной девушки. У меня нет времени болтать с вами, профессор.

– Да, да, сейчас все объясню, – заторопился Аугусто.

Такую Пилар, напряженную и серьезную он почему-то не ожидал увидеть. Никакого приветствия, оружие, или еще что-то в карманах. "А что ты хотел? Ты говоришь о жизни ее брата" – напомнил себе профессор. – "Не отступай от своего плана".

Он жестом подозвал Пилар ближе к себе.

– Вот, смотри, – профессор указал на реку. – Город лежит к западу от реки, а на восток уходит разросшаяся, многослойная сельва, выжить в такой сложно, звери и хищники, но на этом макете не указаны сады дьявола, вот они, чуть восточнее реки. Отец рассказывал мне, что это даже не сады, а целые плантации. Небольшие промежутки леса отделяют один сад от другого, в них безопасно. Отец говорил мне в детстве, что в лесу оставляют охотники и контрабандисты

свои тайники, но в сады дьявола они не суются. Есть две причины. Первая это суеверие, а вторая...

– Муравьи, – перебила его Пилар. – Вы что, отправили Пабло туда?

– Да, – кивнул профессор. – Я сказал ему добраться до темноты к этим садам... Когда я с ним встретился, я еще не знал, что произошло. Позже я услышал об аварии. Я стал звонить Диего, его номер был не в сети. Тогда я пошел в полицию и увидел там генерала Моралеса. Я слышал, как он разговаривал с начальником полиции. Он велел тому разыскать Диего немедленно. Если вас ищет генерал, дело плохо. В голове были разные мысли, но я слишком хорошо знаю Диего и о тебе я тоже хорошего мнения... Я понял, что рано или поздно вы ко мне обратитесь, ведь я единственная ваша связь с Пабло, и в моей голове созрел план.

– План?

– Восточнее реки лес уходит до границ, за которыми влияние генерала не так велико. В соседней стране у меня есть друзья. Они помогут вам пересечь границу, надо лишь договориться в каком месте они вас найдут...

Профессор достал из кармана небольшую карту с отмеченной на границе точкой.

– Если ты согласна, я свяжусь с ними и договорюсь, чтобы вас подобрали вот здесь, на песчаной тропе, где лес редет, дай мне сутки на подготовку и начиная с послезавтра каждый день в пять утра они будут там.

Мои друзья помогут вам перебраться через границу и сделают новые документы... Я знаю, если генерал Моралес идет по следу, сбежать от него можно только так. Все же ты расскажешь мне, что случилось?

– Не могу... – Пилар откинула капюшон и профессор увидел как потемнело от усталости и нервов ее лицо за эти сутки. – Есть тайна, которую я не могу доверить никому... Я все вам расскажу, как только Пабло будет в безопасности, обещаю...

– Возможно, мы уже и не встретимся, – вздохнул профессор.

– Нет, – она положила ладонь на грудь профессора. – Мы обязательно встретимся, когда все закончится.

Профессор потерялся в своих мыслях. Он хотел сказать что-нибудь значимое, но не нашел слов, а Пилар убрала в карман его карту, кивнула и исчезла в темноте за разросшимися кустами оранжереи.

– Встретимся, – прошептал профессор. – Обязательно.

Он вышел на улицу, поднял воротник своей куртки и быстрым шагом пошел в сторону огней центра города. Ветер бросался мусором из перевернутых баков за его спиной, шуршал листьями деревьев и травой, во дворах шумела музыка и профессор забылся мыслями о своем плане, когда услышал крик девушки. По коже пробежали мурашки. "Нет" – сказал он себе. – "Это не может быть Пилар, не ее голос". Все клеточки его организма обратились в слух и стран-

ное цоканье привлекло внимание. Как будто кто-то один за другим опустил острием на асфальт два десятка ножей. Профессор огляделся. Возможно ему показалось, но в свете фонаря на стене одного из домов отразилась тень огромной собаки.

Профессор пошел быстрее и вновь цоканье за спиной. "Собаки так не ходят" – подумал он. – "У собак нет таких длинных когтей, чтоб стучать по асфальту". Он ускорился и цоканье стало ритмичней. Он остановился и теперь увидел совершенно точно тень преследовавшего его зверя.

– Волкодав, – прошептал профессор. – Или ньюфаундленд... И он охотится на меня.

Он пошел вновь, слушая, как приближаются шаги зверя, и когда большая и шумная улица с людьми была на расстоянии метров ста, профессор пустился бегом. Выбежав на главный городской проспект, он оперся о стену, прижав к груди ладонь, чувствуя, как вот-вот разорвется от ударов его сердце. По спине и вискам заструился холодный пот, в глазах потемнело.

Отдышался и взглянул на часы. В ресторане в пяти минутах отсюда его уже ждал генерал.

Внутри были светло и профессору было немного стыдно снимать куртку, под которой насквозь промокшая рубашка. "К черту", – подумал он. – "не выгонят же меня отсюда за мой вид". Генерал сидел за столиком, укрытым от общего зала плотными шторами.

Профессор редко встречался с ним и всегда удивлялся, что генерал невысокого роста и в целом выглядит весьма неприметно. Жесткая щетина седых усов, маленькие глаза, узкое лицо с пористой болезненной кожей. Генерал был в темно-сером костюме тройке, какой есть и у профессора Аугусто и вполне мог сойти за университетского преподавателя.

– Присаживайтесь, – генерал Моралес указал профессору на стул напротив. – Что будете есть? Выбирайте что хотите, этот ужин за мой счет.

Профессор посмотрел на тарелку генерала. Стейк из акульего мяса в сливочном соусе с овощами и белым вином. После погони у Аугусто проснулся аппетит и все же он не желал здесь задерживаться дольше нужного.

– Я выпью воды, – ответил он.

– Отлично, – кивнул генерал. – Сразу к делу?

– Да.

Генерал налил в бокал из кувшина с водой. Профессор с жадностью выпил все и налил себе еще.

– Итак, у вас есть информация о людях, которых я ищу?

– Да...

Профессор почувствовал, как задрожали пальцы его рук, и спрятал ладони под стол. "Усталость, или страх?" – промелькнуло у него в голове.

– Насколько вы в курсе дела? – генерал выглядел спокойным, говорил как-будто о бытовых вещах, отрезая кусочек

стейка, но профессор понял о чем идет речь.

– Глупо вам врать, верно...

– Верно, – генерал положил мясо в рот, прожевал и стер соус с усов.

– Я знаю почему вы их ищете... Но, мои условия таковы...

– Условия? – брови генерала изумленно поднялись вверх. – Я думал, вы обратились ко мне, чтобы продать информацию.

– Нет, – унять дрожь в пальцах было все сложнее. – Пилар и Пабло ни в чем не виноваты... Я хочу, чтобы вы отпустили их в обмен на Диего...

– Вы обмениваете Диего на этих двоих? – генерал ухмыльнулся. – Зачем мне этот ваш следователь? Да, он нашел мне товар, но потом пустился с ним в бега... Я зол на него, но и только. С эмоциями я разберусь.

– Товар?

– Вы же сказали, что в курсе... – генерал положил вилку и отодвинул тарелку от себя. – Кажется, мы не понимаем друг друга.

– Товар... – повторил Аугусто.

Теперь дрожали не только пальцы. Дрожь была и в голосе.

– Объясните мне, – сказал генерал. – Объясните, зачем вы пришли, что у вас за информация и почему я должен отпустить девушки и ее брата в обмен на вашего Диего Салара?

– Я понял... – прошептал профессор. – Пилар и Пабло... они... их кровь нужна вам, не так ли?

Генерал кивнул. Лицо его было напряжено.

– Но... вы видимо не знаете того, что знаю я... Диего тоже не человек, – сказал Аугусто.

Генерал осмотрелся. Взял бокал с вином и отпил совсем чуть-чуть.

– Целых три, – прошептал он. – Это точно?

– Совершенно точно, – кивнул профессор. – Диего... Я воспитал его.

– Вот как? – тонкие губы генерала скривились. – Вы его отец?..

– Не совсем. Но можно сказать и так.

– Теперь я понял, что вы хотите, – кивнул генерал. – Вы знаете, где они все трое. Но просите, чтобы я отпустил двух молодых экземпляров, оставив себе третьего, не так ли?

– Все верно.

Генерал сложил руки одну поверх другой, как ученики в школах и пристально взглянул в глаза профессора.

– Я могу отказать вам и установить за вами слежку, вы подумали об этом? Могу вытащить из вас информацию и другими способами, – сказал он.

– Я это понимаю, – кивнул профессор.

Салфеткой он стер со лба пот, при этом руки его дрожали так, что он едва не ткнул себе пальцем в глаз. Генерал внимательно следил за ним.

– У вас чувства к этой девушке, так? – спросил он.

– Да...

– Что же, вы угодили в сложную ситуацию, профессор Аугусто Мендес, – генерал пододвинул к себе тарелку и продолжил есть. – теперь я владею вашей судьбой.

– Понимаю... и каков ваш ответ? – спросил профессор.

– Минутку.

Генерал доел остатки стейка и налил себе еще бокал, поболтал вино в ладони и выпил все одним глотком.

– Судьбы людей не решаются в один миг. Даже судьба такого человека, как вы...

Генерал налил еще вина, отпил и заглянул профессору в глаза. Аугусто было плохо, лицо его покраснело, пот стекал по его вискам, в груди зарождался кашель, он чувствовал, что заболел.

– Удивительный экземпляр человеческих страстей, – сказал генерал. – Вы уже стары, но вы решаете разменять своего пасынка на молодую девицу.

– И ее брата, – прохрипел профессор.

– Да, конечно... Теперь я знаю о троих. Я думаю, я смог бы разыскать их без вашей помощи... и я мог бы уничтожить вас прямо здесь одним своим словом, одним решением...

– Все так.

– Но я все обдумал. Сегодня мне достаточно одного Диего.

Профессор выдохнул и разразился кашлем. Генерал налил ему воды. Когда Аугусто отдышался, генерал продолжил:

– Я иду на сделку с вами. Девушка и мальчишка достанут-

ся вам, а я заберу себе вашего воспитанника...

– Слава богу, – перекрестился профессор.

Генерал улыбнулся.

– Вам плохо. Мои люди доставят вас в военный госпиталь.

Проведете там ночь под присмотром врачей. Я распоряжусь, чтоб вам выдали отдельную палату и как следует осмотрели.

Вы нужны мне живым профессор. Завтра утром мы обсудим детали сделки.

Двое охранников генерала, сидевших за столиком в общем зале, отодвинули шторы по первому зову своего хозяина и под руки вывели профессора к машине. Все его тело пылало, а одежда была насквозь сырой, ночь расплывалась перед глазами и ему померещилось, как дорогу от ресторана перебежал крупный черношерстный волк.

Глава четвертая.

Пилар сидела, завернувшись в плед, перед глазами сросшиеся латинским икс ветви, напоминавшие ей покосившееся распятие, черное под синим небом ночи, намокшее от дождя. На возвышавшемся над городом холме неподалеку от дымящих труб завода она ждала Диего. Прошел уже час после того как она отпустила профессора, и каждую минуту ожидания Пилар кусала ногти: "Давно бы уже искала Пабло... что там с ним? А Диего мог и предать, а мог попасться генералу... Стоило ли довериться ему? Может вокруг уже рыщут солдаты..."

Вдали послышался свист. Знак приближения Диего. Пилар сбросила плед и отошла поглубже в тень деревьев. Среди шелестящих на ветру листьев не слышно было шагов, Диего умел подкрадываться, и все же она увидела его первой, дождалась, пока подойдет на двадцать шагов и заметив, что за ним никого, тогда только вышла из тени.

– Что у тебя? – спросила она.

– Твой профессор работает с Моралесом, – ответил Диего.

– В этом вы с ним похожи...

– Больше нет, – хмуро сказал Диего. – Теперь ты или веришь мне, или мы идем порознь.

Пилар промолчала.

А в голове загудели тревожные мысли: "Солдаты прячутся неподалеку... он не помогает тебе, просто хочет найти Пабло и сдать вас обоим генералу... и профессор не мог тебя так обмануть... нет, успокойся! Если схватят сейчас, ты расскажешь всю правду о Диего... ты сможешь найти Пабло без этого волка в ночном лесу?.."

– Идем вместе, – сказала она наконец. – Расскажи, что ты видел.

– Я наблюдал с улицы, – заговорил Диего. – Я видел людей генерала у ресторана, к которому пришел профессор. Через полчаса профессора вывели под руки двое солдат, усадили в машину и увезли.

– Вывели под руки? – Пилар задумалась. – А что если он пустил генерала по ложному следу? А самого генерала ты не видел?

– Нет... Расскажешь, о чем Августо с тобой говорил? – спросил Диего.

– Посмотрим.

Лес вокруг них становился выше и плотнее. Под кронами старых гигантов расцветала жирная сельва и даже сейчас, ночью, здесь было жарко и душно. Они спустились к реке. Диего достал из кармана два полиэтиленовых пакета и стал раздеваться. Пилар отвернулась и осторожно начала заходить в воду.

– К утру ты замерзнешь, а одежда станет жесткой и разотрет кожу, когда будешь двигаться.

– Давай уже быстрее, – крикнула в ответ Пилар.

Вода заполнила ее кеды, остудила щиколотки и задирая широкие для нее брюки поднималась все выше вдоль ног. Когда Пилар зашла в воду по пояс, брюки потяжелели и стали сползать, пришлось перевязать веревку на поясе и Пилар затянула ее так, что стало больно.

Пока она возилась с веревкой, мимо проплыл голый Диего, перед собой он толкал наполненный воздухом пакет с одеждой. Пилар поплыла вслед за ним.

Вода была холодной, краденная куртка быстро промокла и потянула Пилар ко дну, ей приходилось прикладывать много усилий, чтобы плыть, и когда она оказалась по середине реки, икроножные мышцы начало сводить, ноги затрясло, Пилар запаниковала, на одних руках было не удержаться, она попыталась позвать Диего, но вода захлестнула ей рот и нос, на миг она погрузилась с головой, забила ногами, отталкиваясь изо всех сил, вынырнула, вместо крика набрала с хрипом воздуха в грудь, а Диего не было видно. Течение здесь не быстрое, но несущие черный вулканический песок волны казались тяжелыми. Вот новая волна, совсем не высокая, но и еехватило, чтоб погрузить Пилар с головой. После этой волны, едва высунув нос на поверхность, удалось подышать.

Плыла она теперь по собачьи, руки и ноги были под водой, а до берега еще далеко, и Диего нигде не видно. Пилар уже показалось, что новый способ плыть подходил для ее сведенных в ногах мышц и тяжелой одежды, голова оставалась над

водой ровно настолько, чтоб успевать набрать воздух, и хоть волны сбивали ее с короткого курса, были они не высокими и проходили быстро. Но ближе к берегу течение стало сильнее, и волны стали выше, Пилар едва успевала вдохнуть, воды в ее рот и нос попадало все больше, сил уже не было, а дно так и не появлялось под ногами, как вдруг нечто обхватило ее живот под самой грудью, страх пульсирующим нервом прошелся по ее телу, но почти сразу она поняла, это был Диего. Тяжелое дыхание коснулось ее шеи, она повернулась и ударилась о его лоб подбородком, Диего зажмурился и на секунду отпустил ее, но тут же подхватил вновь. Неловко барахтаясь, поддерживая друг друга, они плыли, пока их ноги не коснулись дна.

– Теперь я могу сама, – сказала Пилар.

Она сильно закашлялась, согнулась пополам, все еще стоя по пояс в воде, отплевываясь, кажется, вода была даже в ее глазах. Через минуту все закончилось, только сильно заболела голова. Диего уже оделся и ждал ее на берегу.

– Ты вообще умела плавать, когда вошла в эту реку? – спросил он.

– Умела... – прохрипела в ответ Пилар. – Пабло пришлось переплыть эту реку в одиночку...

– Мы торопимся, а он мог спуститься южнее, там русло намного уже.

– Все равно.

Пилар вспомнила про карту. В кармане куртки была мяг-

кая бумажная масса. Пилар подняла лицо к сияющей холодной золотом луне и тихо выругалась.

– Что еще не так? – спросил Диего. – Мы идем?

– Да... хотела взглянуть куда...

– Ты же вела меня через лес. Я думал, у вас с Пабло есть тайное место встречи... Ты что, забыла его?

– Нет никакого тайного места. Я в этом лесу вообще редко была. Я только знала, что нужно к реке, а когда переплывем ее, нужно было найти сады дьявола, туда профессор отправил Пабло.

– Найти их несложно, – ответил Диего. – Я хорошо знаю лес в радиусе дня ходьбы и лимонные муравьи выращивают свои сады в нескольких километрах отсюда, в узкой, правда довольно длинной полосе. Пойдем за мной...

Пилар пошла за Диего и через несколько минут лунное небо уже скрылось от них под переплетениями обросших мхом и хищными цветами ветвей.

– Ты сказала, профессор отправил Диего?

– Да, – теперь Пилар чувствовала озноб, тело под вымокшей одеждой покрылось мурашками.

– В этих садах нас может ждать ловушка, – сказал Диего.

– У меня нет выбора, – ответила Пилар.

– Я тебя понимаю, – помолчав, сказал Диего. – Августо... если бы не он, моя жизнь была бы иной... Он устроил меня в интернат, помогал мне в учебе. Я не считал его отцом, скорее таким близким, взрослым другом, но... Ты должна знать,

Августо может быть опасен...

– Кто бы говорил.

Пилар почти не поднимала глаз от земли. Диего вел ее вперед, но осматривать сельву ночью в поисках прячущегося мальчишки было бессмысленно и поэтому все, что ей оставалось, разглядывать землю под ногами, надеясь увидеть следы Пабло.

– Был один случай, – продолжил Диего. – В интернате жил забавный мальчишка, звали его Пронырой, потому что умел он пронести в интернат много такого, например сигареты и выпивку. А у нас было строго с посещениями и еще каждый день проверяли шкафчики. Так вот, Проныра умел раздобыть что нужно, был в почете у старших и младших, а еще он болтал без конца. Он много чего знал, сплетни про разных ребят... А ты наверно знаешь, как сложно сдерживать превращение в подростковом возрасте. С каждой полной луной останавливать себя все сложнее. Мне повезло, в интернат я попал уже в 12 лет, я умел себя сдерживать, а когда было уже невыносимо, когда все под кожей закипало и хотелось бросаться на стены, тогда я сбежал из интерната. Пускай меня потом наказывали, но и другие иногда сбежали. Кому к девушке нужно было, кому погулять. Всех принимали обратно, потому что за всех кто-то платил, а меня Августо так устроил со своими связями, я был в спортивной команде, учился и жил бесплатно.

И вот однажды подошел ко мне Проныра, и спросил, как

ему поговорить с Августо. Я совсем ничего не понял. Спросил его зачем, а он улыбнулся только, говорит, очень надо и все. И я по своей же глупости устроил им встречу. Как-то пришел Августо и они о чем-то болтали в интернатском саду, я следил за ними на расстоянии, но ничего не услышал.

Через несколько дней Проныра сбежал в город и пропал. Все в интернате беспокоились. Разные ходили слухи...

– Тише, – Пилар схватила Диего за рукав и они замерли. – Слышишь?

Метрах в пятистах от них прозвучал прерывистый многоголосый свист.

– Как-будто птицы, только очень низко... у самой земли, – сказала Пилар. – Идем туда, посмотрим.

– Нам не по пути. Кричали южнее.

– Ты сам говорил, что южнее реку переплыть проще. Там может быть Пабло.

Свист повторился и Пилар по слуху пошла в нужную сторону. Диего пожал плечами и пошел за ней.

– Если мы будем отвлекаться на каждый звук, к утру не дойдем до садов дьявола, – сказал он.

– Мы только посмотрим, что там. У меня плохое предчувствие... А что там с твоим Пронырой?

– Никто не узнал тогда, что с ним произошло... Прошли годы, я начал работать в полиции, дослужился до звания помощника детектива. Это что-то вроде секретаря, все время бегаешь по мелким поручениям и много времени проводишь

за компьютером или в архиве. Там то я и нашел дело Проныры... – свист повторился совсем близко и они пошли медленнее, стараясь не шуметь, Диего продолжил рассказ шепотом. – Я уверен, это было его дело. Труп мальчишки, обнаруженный на одной из городских свалок через несколько месяцев после пропажи Проныры... Тело тогда не опознали, и следствие прекратили за отсутствием улик, но это был он. Та же куртка, туфли и джинсы, которые он выкупил у Хуана, одного из моих школьных друзей. Его не опознали, потому что тело было без головы... Теперь ты понимаешь?

Они услышали рычание, шипящее и тягучее, словно хищный зверь, прижавшись к земле, готовится к броску.

– Ты думаешь, его убил профессор? – шепотом спросила Пилар.

Они прокрались еще несколько шагов вперед и увидели, как за деревьями в свете луны открываются сады дьявола. Множество тонких стеблей низкорослых деревцев, высаженных красивым порядком на поляне, где кроме них ничего больше не росло, а за границей этой поляны буйная, мрачная в мельтешении тысяч теней многоярусная сельва.

Они сели у самого края границы между естественным лесом и садами, выращенными лимонными муравьями, пытаюсь разглядеть среди сияющих луной деревцев шипящего зверя.

– Ты часто ошибаешься, – прошептала Пилар. – Говорил, что садов дьявола здесь нет... Насчет профессора ты тоже

можешь ошибаться.

– Могу, – зашептал в ответ Диего. – Но одна мысль не давала мне покоя с тех пор, как узнал я судьбу Проныры... Я думаю, он не просто так попросил встречи с Августо. Он узнал мою тайну и хотел получить за нее свои деньги. Шантаж был в его стиле, он знал тайны многих ребят в интернате, и они платили ему, кто чем мог. А здесь было крупное дело. Во время того разговора в саду интерната, я уверен, Проныра все рассказал Августо и потребовал денег за молчание, а профессор взамен назначил ему встречу в городе...

– Если бы так, профессор бы знал о твоём секрете и был бы мерзким мясником... Я не верю...

Громкий крик заставил их замолчать. Крик загнанной жертвы и рычание хищников возле нее, прерывающееся свистом. Жертва тоже кричала с особенным свистом, срывающимся, задыхающимся, шипящим. Однажды Пилар уже слышала этот крик, в тесной детской комнатке далеко отсюда. Так кричал маленький едва обратившийся лисенок.

– Это Пабло, – упавшим голосом сказала она.

– И леопарды, – сказал Диего. – Не меньше трех.

Пилар бросилась вперед, Диего крикнул:

– Стой! Нельзя так бежать!

Это было бессмысленно. Он поискал вокруг, схватил толстую палку и побежал за Пилар на звуки охотящейся стаи леопардов.

Через сотню шагов перед ними открылось место битвы.

Освещенная бледной луной круглая поляна из разломанных тростниковых деревьев, в центре осталось последнее, и на его вершине, прижавшись к стволу дрожал маленький лисенок. Вокруг дерева медленно переступая мягкими лапами кружили, перекрывая путь к бегству жертвы, два леопарда, а третий обхватив передними лапами ствол дерева, а задними оперевшись в землю, готовился к прыжку.

На шум прибежавших Пилар и Диего вожак леопардов, не отводя взгляда от своей жертвы, ответил грозным рыком, и двое его приспешников направились к незванным гостям.

Диего бросил палку в вожака, но один из подступавших к нему леопардов в прыжке перехватил ее, откатившись вместе с ней в сторону. Второй леопард набросился на Диего, сбил его на землю, вцепившись пастью в плечо. На короткий миг между Пилар и вожаком никого не оказалось и она бросилась вперед, а вожак оттолкнулся лапами и прыгнул на несколько ветвей вверх, но прыжка хватило лишь чтобы выкусить клочок шерсти из хвоста лисенка.

Еще секунда и нога Пилар впилась в спину огромного, повисшего на дереве леопарда, гладкая, бугрящаяся налитыми кровью мускулами шерсть волнами разошлась по телу, леопард закричал, заглушая треск ствола падающего дерева.

Краем глаза заметила Пилар, как спрыгнул с летящей к земле верхушки дерева и бросился бежать лисенок, и тут же почувствовала мягкое и горячее тело леопарда под собой. Дикий зверь, прижавшись лапами к земле, обернулся, пыта-

ьясь разглядеть Пилар. Едва увидев блестящие луной белки диких звериных глаз, Пилар ударила по ним кулаком, но во- жак успел среагировать, поднял пасть выше и удар пришел- ся в его клыки. Челюсть щелкнула, и Пилар занесла кулак для второго удара, но тут же получила сама. Лапа неловко скользнула по ее плечу, вспоров сырую куртку, но удара хва- тило, чтобы сбросить Пилар и несколько секунд она катилась по поляне, прежде чем сгруппировалась и взяла в руки об- ломок ветви.

Едва она остановилась и выставила ветвь перед собой, ее накрыла тень летящего леопарда. Он навалился на Пилар, зарычал, потянулся пастью к лицу, дохнул на нее кровью, но свет в его растущих от изумления зрачках начал меркнуть и Пилар почувствовала, как по сжатой в руках, утопленной в груди зверя ветке заструилась горячая кровь. Тело вожа- ка задрожало в предсмертной агонии, лапы разъезжались по залитой кровью земле, он медленно оседал на Пилар, пока не задавил ее своим весом. Она попыталась сбросить его, но сил не хватало.

– Диего! – позвала она.

Возня слышалась совсем близко, но Пилар не могла по- смотреть, что там. Голова убитого вожака прижималась к ее правой щеке, перекрывая ту часть поляны, где был Диего и два других леопарда, а с другой стороны только лес, и звезд- ное небо, на фоне которого вился смешавшийся от стыну- щей крови зверя и ее дыхания пар.

– Пабло... – прошептала она. – Пабло!.. Диего!

В ответ только треск веток, сопение и тяжкий рык сцепившихся где-то совсем близко с ней Диего и леопардов. Ее руки и живот нагрелись от крови убитого зверя, она собрала все силы, пытаясь сбросить тело жоака, но теперь, когда жизнь окончательно покинула его, тело превратилось в бессвязный труп, укутавший ее словно сырое одеяло, вдвое тяжелее ее.

Послышался треск костей и звук разрываемой плоти и возня прекратилась.

– Диего?... – тихо спросила Пилар. – Ты жив?..

– Жив, – хриплым голосом ответил Диего. – И Пабло тоже...

Пилар выдохнула и закрыла глаза, чувствуя, как по щекам побежали слезы.

Глава пятая.

Она проснулась, пробуя на слух мысли из глубокого сна. Опять ей снилась Италия и Адриатика поздней осенью, усыпанные желтыми листьями берега, только теперь вместо философов она сама была там и рискнула пообщаться с мудрым и старым морем, шептавшим ей на языке разбивающихся волн.

Она лежала под множеством огромных, величиной с нее саму, листьев кокколоры, пропаренных вчера ночью Диего в дыме костра, чтобы выгнать живших в них насекомых. На ветвях рядом сушилась ее одежда. Ночью, после битвы с лео-

пардами, они вернулись к реке, чтобы помыться и постирать свои вещи, а потом ушли в глубину сельвы, расположившись на ночлег на возвышенности, чтоб была возможность видеть, что происходит на реке.

Пилар взглянула на часы и поняла, что проспала весь день и солнце скоро начнет клониться к закату. Огляделась, Диего и Пабло сидели в десяти шагах у костра, спиной к ней, вылезла из под теплого лиственного одеяла и пока никто не видит, оделась.

– О, Пилар! – позвал Пабло. – Только и спишь! У нас тут мясо скоро будет готово и есть травянистый чай!

– Потише, – предупредил Диего.

– Мясо? – спросила Пилар.

– Ну да, – пожал плечами Диего. – Сходил за одним вчерашним леопардом. Надо же нам что-то есть... не бойся, он не превратился обратно.

– Что это значит?

Пилар очень хотелось есть, а кусочки мяса, продетые на толстые ветви, выглядели очень аппетитно. Рядом в пакете отстаивался чай.

– Диего считает, что те леопарды могли быть живущими в джунглях индейцами, – сказал Пабло. – Он говорит, они могли напасть на меня из-за того, что я вошел в сады дьявола, приняв за какого-нибудь контрабандиста, готовившего там нычку.

– Или просто это могло быть священным местом для

них... Я думал, они могли быть оборотнями, потому что трех настоящих леопардов мы бы вряд ли убили... Но после смерти они не превратились обратно в людей, хотя я не знаю, бывает ли такое...

– Не знаю, – вздохнула Пилар.

Прекрасный сон в ее голове рассеялся и вновь все мысли о бегстве и выживании.

– Где вы взяли воду? Тут рядом есть ручей? Мне надо умыться, – сказала Пилар.

– Я покажу, – сказал Пабло.

– Нет, давай я провожу тебя, – перебил его Диего. – А ты следи за костром.

Они прошли около сотни шагов вниз к подножию холма, на котором был их лагерь. Земля здесь раскрывалась усыпанной камнями трещиной, из которой бил чистый ледяной ручей.

– Надо поговорить, – сказал Диего, пока Пилар умывалась. – Мы должны обсудить, что делать дальше.

Пилар умыла лицо и шею, наполнила ладони водой и выпила, по телу вместе с холодной влагой пробежала дрожь.

– Помнишь, мы говорили, верить профессору или нет, – сказала Пилар, сев на гладкий валун рядом с ручьем.

Диего сел рядом с ней.

– Помню.

– Если бы он работал на генерала, нас бы поймали в садах дьявола, так ведь?

– Так... Хотя проще было бы оставить Пабло при себе, а нам устроить ловушку в тех садах.

– Я тоже так думаю. И потом ты говорил, Аугусто воспитал тебя. И если он... если он сделал те страшные вещи, о которых ты говорил, он ведь не выдал никому твой секрет. Он защищал тебя... Сам подумай, мальчишка мог рассказать еще кому-то, если бы остался жив.

Диего посмотрел на нее.

– Ты оправдываешь его?

– Не оправдываю. Но я не знаю, на что пошла бы, если бы дело касалось Пабло... И тебе ли удивляться? Ты еще вчера хотел продать меня генералу...

– Я... – Диего прикусил губу. – Мне сказали, что с тобой все будет хорошо, просто возьмут кровь... а потом, когда после аварии мы пошли в твою квартиру за Пабло и увидели там людей генерала, перерывающих вещи, я понял, что они бы вас уже не отпустили... Я и раньше это понимал, но не хотел думать, мне нужны были деньги для моей семьи, для будущего моего сына, а я не могу обеспечить его, денег едва хватает, чтобы от зарплаты до зарплаты на столе была пища... – Диего вздохнул. – Конечно, это не оправдание. Я мерзавец.

Пилар помолчала, рассматривая мир вокруг себя, как она делала всегда, когда Пабло совершал какой-нибудь проступок, пыталась отстраниться, чтобы эмоции не брали верх над ее мыслями, обдумать, что делать дальше.

– Аугусто предложил мне план, – продолжила она. – На песчаной тропе, что идет на восток от реки, ближе к границе страны, нас каждое утро с рассветом будут ждать друзья профессора, хотя я и испортила карту, где было отмечено место встречи, я думаю, с тобой мы рано или поздно отыщем песчаную тропу. Они помогут нам пересечь границу и сделают новые документы... Я не знаю, касается ли это тебя. Аугусто говорил обо мне и Пабло... но, я думаю, если ты пойдешь с нами, тебе тоже помогут. Не знаю, в курсе ли генерал о том, что ты оборотень, но тебе опасно оставаться в стране, после всего, что случилось. Ты говорил, что у тебя есть жена и сын... ты вернешься к ним?

– Я отведу вас к друзьям профессора, но потом, – Диего замолчал на мгновение. – знаешь, Мария, моя жена, не думаю, что у нас есть какие-то чувства. Может быть, без меня ей будет даже лучше... Но вот мой сын... Густаво... смотрю на него каждый вечер и боюсь, до тошноты боюсь, что он такой же.

– А твоя жена?

– Нет, она не оборотень... Я понимаю, есть шанс, что наш мальчик нормальный... Но я знаю, как тяжело скрывать это первое время...

Я никогда не видел своих настоящих родителей. Меня подбросили в церковь... Святой отец, его звали Бернардо, знал мою истинную природу. Я жил у него до тех пор, пока не начал контролировать превращения, а потом он познако-

мил меня с Августо, любившим устраивать судьбу мальчишек, живших при церкви. Ему нравится участвовать в жизни других людей, называть их своими персонажами... Я хорошо играл в футбол, кажется так Августо и заметил меня однажды, на каком-то футбольном матче ребят из церкви против одной сельской школы. Тогда он предложил святому отцу устроить меня в интернат, в спортивную команду... Мы с Бернардо обговаривали это несколько дней. Риск был большим, нужно было ехать в другой город, куда Бернардо не смог бы наведаться, случись что, нужно было полностью надеяться на мой контроль превращений. Зато в случае успеха я получил бы хорошее образование. В итоге все вышло хорошо и Августо подарил мне дорогу в жизнь... Можно сказать, у меня было два отца, но настоящего я так никогда и не видел...

– Мой отец бил меня током, – тихо сказала Пилар. – Поэтому я перестала превращаться... Он также собирался сделать и с Пабло... Я ненавидела родителей и мечтала убить их...

Она замолчала. Диего погладил ее по плечу.

– Ненавижу это, когда дети боятся родителей, – сказал он.

– Они проверяли все мои вещи, все смотрели... Я планировала побег в голове, но не могла даже собрать свой рюкзак... Только один был выход, превратиться. Это был мой план. Превратиться и жить в лесу зверями. Но я знаю, что всегда так нельзя, иначе забудешь себя, свой язык, я и не хо-

тела, не хотела, чтоб Пабло совсем стал зверем. После занятий в школе я шла осматривать помойки, мне нужна была одежда, о которой не знали бы дома, собирала целый месяц, чтобы найти мне и Пабло, потом зарыла все под деревом в лесу...

Пабло начал превращаться и отец стал запирает его в комнате, привязывать ремнями к батарее и бить током, как он делал со мной. А я только и ждала, когда у Пабло все начнется, чтобы мы могли сбежать... Я нашла на улице пивную бутылку, разбила ее мелко-мелко, кусочки стекла в рукав. Вечером отец с матерью сели за стол, Пабло был привязан в своей комнате, а я обслуживала своих родителей, подавала им тарелки и ждала. Вот время пива, говорят, бери бокалы и налей с пеной, наливаю, даю им выпить, потом еще и еще, и вот они уже пьяны, и когда я наливаю опять, то осторожно разворачиваю закатанный рукав, и оттуда серебряной пылью в бокалы сыплю свое спасение. Потом сказала, что нужно в туалет и отлучилась из комнаты и в коридор, оттуда в окошко на улицу, вдоль стены проползла к окну комнаты Пабло, залезла, хорошо хоть ему открывали окно, а то боялись, что задохнется, жара в то лето стояла, вот я внутри и развязываю ремни, кусаю их так, что десны все режутся, Пабло смотрит на меня дикими глазами, и шепчет что-то, и вдруг крик матери, а потом дверь распахивается и на пороге отец, из-за рта и по шее его течет кровавая пена, кулаки сжаты, он бросается на нас, а я успеваю сорвать один ремень и с

размаху бью его по лицу, по глазам, и кричу, кричу, кричу...

Знаешь, я еще до этого догадалась, как смогу превратиться, после всех стараний отца. Он ведь прочел о таком способе лечения оборотней в одной старой книге, так делали раньше, пока не узнали, что кровь оборотней такая дорогая. Превращение связывалось с сильной болью, ведь весь процесс идет отчасти подсознательно, и оборотням желание превратиться отбивали страхом дикой боли, и само превращение случалось от боли, получался человек бессмысленный и обрубленный... Я в тот вечер испытала много боли, и превратилась прямо в руках истязавшего меня, захлебывавшегося в собственной крови отца, и Пабло освободил себя, пока отец меня бил, и превратился в маленького лисенка. Мы выскочили в окно и не заметили даже, как оказались в лесу...

Не знаю, сколько мы были лисами, больше дня наверно, сознание стало иступляться, я поняла, что забываю слова, забываю все... В тот момент мне этого очень хотелось, но я смогла остановиться, остановить Пабло... То дерево мы нашли не сразу, дождались луны и превратились в двух маленьких голых ребятишек, и стали копать до самых корней, где спрятала я одежду. Документов у нас никаких. Было трудно прятаться, жить в лесу и все время думать, как быть дальше... Я стала воровкой и еще какой. Крала и крала, пока в одной сумке из пансионата для богачей не нашла документы на двух детишек, очень похожих на нас. Пилар не мое имя, так звали какую-то богачку, а вот Пабло, его так звали с дет-

ства, повезло что имена совпали. Той Пилар было шестнадцать и мы прожили в лесу еще два года, пока она не стала совершеннолетней, важный фактор, чтобы иметь возможность жить в городе, работать, учиться, и никто не считал меня и Пабло сбежавшими детьми. Конечно, к этому фактору нужно было приложить деньги, чтобы без лишних вопросов найти квартиру, чтобы купить мне аттестат, устроить Пабло в школу, справить недостающие документы... Мы устроились в этом городе и стали жить тихо, я воспитывала Пабло, работала, училась, он ходил в школу... Деньги я копила воровством, но когда набралось достаточно, чтобы жить, я навсегда забросила это... Как и превращения...

Пилар закатала брюки до колена. Вся кожа морщилась от шрамов, рубцы наслаивались друг на друга.

– За время жизни в лесу я делала это с собой десятки раз, иначе после лечения отца не получалось превратиться, нужно было испытать сильную боль. Возвращалась в человеческий облик, чтобы ничего не забыть, чтобы не стать навечно зверем и дать Пабло возможность выбирать ту жизнь, которую он хочет... Но больше я не смогу. Я просто не выдержу.

– Прости меня, – Диего отвернулся. – Я мерзавец... Ты прошла через такое, чтобы просто жить, а я украл у тебя все ради денег...

– Я ведь жива еще.

– Но теперь Моралес знает про тебя. Знает про Пабло. Вас будут искать.

– Мир большой. Теперь мы не голодные дети в лесу. Придумаем.

Диего молчал некоторое время.

– Сколько таких оборотней беглецов остались зверями в лесу?.. И у скольких была возможность обращаться без боли, но они отказались?.. Ненавижу себя, глупого ублюдка...

Он встал и пошел к лагерю.

– Анна, – сказала Пилар. – Так меня зовут на самом деле... Теперь ты знаешь.

Глава шестая.

Пять бронированных машин в маскировочной окраске мчались по пыльной дороге к границам страны.

На заднем сидении в одной из них, вглядываясь в мелькающие вдоль дороги деревья, в выглаженной генеральской форме, играя пальцами затертой до блеска монеткой, сидел Эстебан Моралес.

Край солнца уже показался над вершинами лесных гигантов, очертив полосу на сцепленных меж собой кронах сельвы, согнав с покрытого молочными тучами неба ночную тьму.

– Белое небо, словно полотно для прекрасной истории, – задумчиво сказал генерал и продолжил сухим, как треск веток в костре голосом, – я напишу ее красным!

От голоса его вздрогнула сидевшая напротив, и без того нервно покусывавшая губу Мария Салар. Она старалась выглядеть собранной, иногда украдкой подсматривая за генералом, поправляя подол помятого за беспокойную ночь платья, втирая в колени пот с ладошек, едва слышно откашливая саднившее горло.

"Ты Мария Салар" – напомнила она себе. – "И без боя ты не сдашься!"

Прошлой ночью, когда луна уже овладела небосводом, окружив себя своим звездным воинством, а Мария так и не дождавшись мужа, посмотрев еще раз за спящим Густаво, направилась в постель, в дверь постучались. Диего никогда не стучался, а кроме него в такую глушь прийти ночью могли лишь воры и Мария, прижав к груди кухонный нож, спросила кто там. Это был генерал Моралес.

– Минутку! – попросила Мария.

Поспешно сменила халат на платье, причесалась и вышла навстречу незваным гостям.

Генерал был любезен и мил с ней.

– Прошу вас, госпожа Салар, разбудите своего сына, и пока он будет одеваться, я сообщу вам, зачем вы и маленький Густаво нужны мне в столь поздний час.

За чашечкой заваренного Марией соленого кофе генерал рассказал о предательстве Диего и его бегстве из страны. Мария не верила своим ушам.

– Он опасен для вас не только знакомством, но и тем, что по заданию разведки врагов участвовал в краже секретных документов и стал переносчиком опасного яда. Дело в том, что документы хранились в кабинете моего товарища, генерала Кортеса. Бедняга предвидел кражу и пропитал бумаги ядом да так, что переборщил с порцией и сам стал пациентом нашего лазарета. Этот яд имеет радиоактивную природу и легко передается, так что от рук Диего могли пострадать вы и ваш сын.

– Так мы поедem в больницу? – спросила Мария.

– И немедленно. Разумеется, отправимся мы не в обычную больницу, а в военный госпиталь.

– Что будет со мной? – спросила Мария. – Меня сократили, когда была я в декретном отпуске, Диего кормил нас... а теперь я вдобавок жена врага народа...

– Не беспокойтесь, – ответил генерал. – О проделках Диего никто не узнает, это военная тайна, а вашим будущим я займусь лично.

Мария помнила о находке мужа и его планах встретиться с генералом, к тому же она не считала Диего настолько умным, чтобы работать на разведку.

В госпитале ее с сыном отвели в расположенную под землей, залитую мертвенным белым светом лабораторию, взяли кровь на анализ и заперли в тесной палате, где было так холодно, что изо рта шел пар.

"Зачем же заперли?" – думала Мария. – "Боятся яда?... А вдруг и вправду работал, неосознанно... использовали его, дурака?"

Ближе к рассвету пришел генерал.

– Слава Иисусу, наши опасения не подтвердились, – сказал генерал, но в глазах его читалась не радость, а печаль. – Мы отвезем вас домой, приставим к вам охрану, на случай если Диего или его сообщники попытаются с вами связаться.

Генерал учтиво поклонился, рассчитывая уйти, когда Мария собралась с духом и произнесла ту безумную мысль, что

посетила ее после исключения всех возможных вариантов:

– Диего оборотень...

Генерал сжал губы и Мария впервые взгляделась в его серые, древние и глубокие, подобно камню усыпальницы папы Юлия Второго глаза, совершенно неуместные на слегка обррамленной морщинами коже лица мужчины лет сорока, но не более.

– Разумеется, вы знали, – сказал генерал.

В груди Марии едва хватило места застучавшему от боли сердцу.

– Оборотень... – прошептала она. – Столько лет жила я с этим глупцом...

Генерал смутился. Второй раз за день.

– Так вы сказали наугад?... Что ж, лучше б вы держали свои мысли при себе...

– Вы проверяли нас, так? Проверяли меня и Густаво? – в словах Марии был гнев, она была далеко не из тех, кого может сломить даже самая страшная новость.

– Ваш сын человек, – ответил генерал. – Но тайна Диего вам не принадлежит...

– Что вы хотите сказать?

– Это моя тайна, – генерал смотрел на нее глазами, в безднах которых сверкали молнии далекого прошлого. – Кровь оборотней способна на многое, она не дарует бессмертие, но испивший ее обретает молодость и силу, и чем моложе экземпляр, поделившийся своей кровью, тем она ценнее...

Мне уже столько лет, что без крови оборотней я погибну... Видите эту лабораторию? Я и мои друзья долго ждали развития научного мира до подобной степени, чтобы можно было изучать этих созданий, но теперь их попадается все меньше. В годы моей молодости мы отлавливали оборотней, скрещивали их друг с другом в попытке вывести новых особей, но ничего не получалось, эта чарующая особенность обращаться в зверей передается не напрямую, и вот только сейчас, обладая всем могуществом науки мы начинаем понимать генетические особенности оборотней. Но, как я и говорил, новые экземпляры редкость...

– Зачем вы мне это рассказываете? – перебила его Мария, прикрыв уши своему сыну. – Мне не нужны ваши тайны, просто оставьте нас.

– Я богат и влиятелен, единственное, чего я не могу, это заставить забыть, – ответил ей генерал. – Когда вы сказали о природе Диего, а я подтвердил ваши домыслы, ваша жизнь перестала принадлежать вам.

– И что же вы собираетесь сделать со мной, древний вампир?

Генерал улыбнулся.

– Никогда не думал о себе так... Знаете, кроме вас еще один человек, не входящий в ряды моих соратников, знал о тайне Диего. Это профессор Аугусто Мендес. Я долго думал, что сделать с ним, но кажется, судьба распорядилась по своему и он сошел с ума. Теперь мне не придется пачкать ру-

ки. А вот вы... вы мне нравитесь, Мария. И я не кровожадный убийца. Я просто люблю жизнь, а знания, полученные в этой лаборатории, разве они не решат множество проблем человечества? Но для этого, прежде чем я и мои друзья получим результат, нам придется соблюдать тайну, поддерживать мифологичность оборотней, высмеивать саму идею их существования, дабы орды безумцев не пустились в охоту за этими бедными созданиями...

В шестидесятые, например, правительством была совершена грубейшая ошибка и наш тайный орден потратил немало усилий и средств, чтобы превратить историю о той находке в миф, часть близких к тайне чиновников мы завербовали в целях расширения своей власти, остальных...

– А сами вы не такие же охотники?

– Мы исследователи... А то, что подпитываемся мы сами кровью отловленных экземпляров, так это нужно для соблюдения узкого круга знающих людей, чтоб мы не старели и нас не заменяли новые исследователи... Это другое.

Но мы говорили о вашей судьбе. Вы и Густаво будете подле меня до тех пор, пока я не пойму, что с вами делать... Вы красивая женщина Мария, и очень бойкая. Такие мне нравятся...

Пыль оседала на стеклах автомобиля, сквозь песчаную сетку розовеющий, бледный восход вызывал в груди Марии еще больше переживаний. Густаво ехал в другой машине.

Как он там, без нее... Рядом же, внимательно изучая карту, расположился мерзкий вампир.

Генерал взял рацию и передал водителям:

– Потише, мы приближаемся. Не хочу, чтоб они нас видели.

Отложив карту, он пояснил Марии:

– Вашего мужа в сопровождении девушки и мальчишки мои люди заметили во время облета местности. Они движутся к месту, указанному им профессором Мендесом... Он лишился рассудка, участвуя в этом деле, бедняга. А ведь если все пойдет хорошо, эти три экземпляра послужат большому делу, а о роли профессора мало кто будет знать. Впрочем, как и о моей. Подлинные герои всегда в стороне.

– И что ждет моего мужа в этом месте? – спросила Мария.

– Ловушка, – ответил генерал.

Глава седьмая.

Этим утром в лесу не слышно было переклички животных. Почвой меж редкими, почти безлиственными стволами черных деревьев был высохший, жесткий мох, ближе к тропе сменяющийся песком, усыпанным редкими опавшими листьями. Мертвый приграничный лес. Еще было лето и стояла жара, но для здешней природы началась уже поздняя осень. Листья хрустели под подошвами ботинок Диего. Сложив руки в карманы, нисколько не скрываясь, он один шел по тропе, уходящей все выше к холмам. Пилар пряталась далеко в лесу. Пабло, обернувшись лисенком, крался в двух сотнях шагов, наблюдая за Диего.

За холмами послышались голоса. Диего остановился прислушался. Двое мужчин и женщина. Поднявшись по тропе еще, он увидел этих людей. Широкоплечий и рослый, крепкий еще старик лет шестидесяти, парень около двадцати, а может и моложе, и старуха, сидевшая за приоткрытой дверцей машины. Старик, заметив Диего, сказал что-то парню и тот пошел к багажнику.

"Не похожи они на солдат Моралеса", – подумал Диего. – "Надеюсь, это люди профессора".

– Эй! – Диего помахал рукой, подходя ближе. – Я заблудился немного! Не подскажите где я?

Старик переглянулся с парнем, замершим у багажника.

– Это ведь песчаная тропа до границы?

– А вы идете туда? – спросил старик.

– Вообще то да... здесь меня должны были встретить друзья моего знакомого...

Старик ничего не ответил, только кивнул парню, и тот потянулся в багажник за какой-то вещью. Диего подошел ближе.

– Стой! – крикнул старик.

Парень высунулся из багажника и бросил старику ружье. Щелкнул затвор и дуло уставилось на Диего.

– Вы что делаете? – возмутился Диего.

– Проваливай отсюда! Сара, заводи машину! Тяго, полезай внутрь!

– Вы не поняли... – начал Диего.

– На колени! – перебил его старик. – И не смей вставать, пока мы не уедем! – целясь одной рукой, другой он открыл дверцу машины. Старуха сидела уже за рулем, а парень все так же стоял возле багажника, готовясь нападению.

– Я от Августо! От Августо Мендеса! – закричал Диего.

– От Августо?.. – переспросил старик.

– Да, господи, Августо, конечно, – выговорил Диего.

– Он говорил о девчонке и парне, но не о громиле, вроде тебя, – старик сплюнул, нацелившись ружьем в грудь Диего.

– Я с ними... сначала я отправлюсь с вами, а уже потом они...

– Ты нас что, проверяешь?

– Сейчас никому нельзя верить.

– Твоя правда.

Старик помял губы, раздумывая. Открыл дверцу у водителя и прошептал что-то старухе, та кивнула и достала телефон.

– Тяго, свяжи ка ему руки, для нашей безопасности, – сказал старик.

– Если со мной что-то случится, как вы поможете девушке? – возмутился Диего.

– Ты нас проверяешь, а мы должны верить тебе во всем? – перебил его старик.

Тяго взял веревку и осторожно подошел к Диего.

– Руки за спину, – приказал он.

Диего смотрел в его глаза. "Надеюсь, ты не ошиблась в профессоре... Анна..." – сказал он себе и протянул руки. Тяго перевязал их так, что кровь едва поступала через запястья.

Старуха тем временем закончила говорить по телефону и прошептала старику на ухо несколько слов.

– Давай в машину, – махнул ружьем старик.

– И как вы перевезете меня через границу с завязанными руками? – спросил Диего, нагибая голову, чтоб пролезть внутрь.

– Есть тропы, – ответил старик и ударил Диего прикладом ружья по затылку.

Тьма. Ничего кругом. Диего попытался вдохнуть, рот заполнился пленкой и дыхание перекрыло, он тут же выдохнул, чувствуя, как застучало в висках. По затекшим мышцам побежала кровь, пробуждая бесчувственное тело, заполняя клетки судорогами и болью и он понял, что сидит на стуле, руки связаны за спиной.

Он стал дышать тише. С каждым вдохом пленка касалась его губ, прилипая, останавливая поток воздуха, с каждым выдохом шелестела. На его голове был мешок.

– Где я...

Ему казалось, он лишь помыслил об этом, но его слова разошлись эхом вдоль стен.

– Проснулся, – услышал он знакомый старческий голос.

Мешок сдернули с головы Диего. Перед ним стоял Тьяго, а за его спиной старик с ружьем. Здесь было мало света и Диего не сразу смог осмотреться.

– Тебя решили не везти в военную часть, – сказал старик. – но так даже лучше.

Глаза постепенно привыкали. Диего подумал сперва, что его усадили посреди огромного ангара. Но вот во тьме разглядел под потолком заржавевший мостовой кран, вдоль центрального прохода, на котором он сейчас находился, по обе стороны сосуды разных размеров, покрытые пылью станки.

Снаружи доносился гул работающих машин и веяло

неприятным запахом жженой резины.

– Тьяго, найди генерала, скажи, что громила очнулся... только прошу тебя, не торопись, – сказал старик.

Тьяго кивнул. Заглянул в глаза Диего и улыбнулся.

– Как же хочется посмотреть, как ты отдашь долг Раулю, – прошептал он, потрепав Диего за волосы. – Но пора идти.

Тьяго удалился во тьму цехового зала. Старик дождался, пока хлопнет дверь и подошел к Диего.

– Генерал... – прошептал Диего.

– И твоя женушка с ним, – кивнул старик и ударил Диего по лицу.

Голова Диего заболталась, как у куклы. В глазах задвоилось. Он опустил лицо к полу, глядя, как медленно тянется от губ вниз ниточка крови.

В дальнем конце цеха что-то зашуршало.

– Должно быть крысы... – прищуриваясь во тьму, сказал старик. – Ты меня совсем не знаешь?..

– Нет, старый кретин, – едва ворочая языком, ответил Диего.

– А так? – старик ударил снова.

В ушах Диего зазвенело. Он откинул голову, высунул язык, тяжело дыша, задыхаясь от крови.

– Генерал беспокоился, что я сильно тебе приложился там, в лесу. Не знаю, с чего его так заботит твое здоровье... Но мне плевать. У меня есть должок к тебе и я его выплачу... – старик приставил дуло ружья к голове Диего. – Хочешь до-

жить до прихода генерал, спроси кто я...

– Ты... – Диего выплюнул кровь вместе с несколькими зубами. – жалкий ублюдок...

– Хорошо, – кивнул старик.

Глаза его горели, ноздри дрожали от гнева.

– Я долго ждал этого и хочу, чтоб ты был в сознании сейчас... – Старик стал медленно расстегивать рубашку. – генералу нужны были люди с таким видом, чтоб показались вам друзьями профессора. Без военной выправки, старше и слабее тебя, чтоб вы не боялись сесть к ним в машину. И достаточно злые, чтоб вас в ней удержать... – старик снял рубашку и отбросил в сторону, – помнишь, как десять лет назад ты застрелил двух мальчишек на берегу реки?.. – старик повернулся, через всю его спину растянулась цветная татуировка скалящегося ягуара. – Взлет твоей карьеры... газеты трубили о некоем младшем помощнике детектива, тут же получившем повышение в следственном отделе... Картель страшных братьев Альварес... это были мои дети, Диего, мои сыновья... Я знал их недуг, боялся, как им придется жить в нашем мире, скрывал от всех, дал им все для честной жизни и не заметил, когда они свернули не туда... картель... придумал, чтоб получить свою славу? И застрелил их в момент превращения... Просто двое мальчишек, любивших пограбить развратившихся торгашей.

– Запугивавших и избивавших их, – сказал Диего.

Старик занес руку, но шелест, похожий теперь на топот

маленьких ножек, отвлек его.

– Кто здесь? – спросил он.

– Призраки мерещатся? – улыбнулся Диего.

– Крыса... – ответил старик. – ...такая же, как и ты. К черту генерала!

Старик поставил ружье к стулу позади, схватил мешок и накиннул Диего на голову.

– Сдохнешь, а я скажу, что ты и так был не жилец, – он затянул мешок у шеи.

Лицо Диего покраснело, глаза расширились, рот хлопал, хватая заканчивающийся в мешке воздух. Боковым зрением заметил старик промелькнувшую фигуру, повернулся и увидел, как приклад ружья летит ему прямо в лоб.

Старик успел отвести голову, приклад прошел мимо цели, ударив по уху. Ноги подкосились. Он попятился назад и увидел своего врага, маленькую девушку с ружьем в руках. Вновь она занесла ружье. Старик попытался перехватить его, но сил не хватило, второй удар прикладом пришелся в челюсть, перед глазами все поплыло. Он упал, девушка навалилась сверху, прижала ружье к его шее и надавила коленом. Хруст костей. Старик почувствовал, как уходит язык вглубь горла, забивая пространство, как вжимается в позвоночник. Туман в глазах рассеялся в последний миг и он разглядел свою убийцу, вдавливавшую ружье в его шею, у нее было мальчишеское, почти детское лицо.

– Ты прав, – сказала Пилар. – Я такая же крыса, как он.

Позвонки хрустнули и глаза старика навечно покрылись туманом.

– Господи... Анна, – прошептал Диего, когда Пилар сняла с его головы мешок.

– Нет времени болтать, – ответила она, принявшись развязывать узелки на его руках.

Вдали закрипела дверь и послышались голоса. Узлы никак не поддавались, Пилар вцепилась зубами, но смогла лишь немного ослабить их, а голоса были все ближе.

– Прячься, – прошептал Диего. – Уходи, быстрее.

Пилар схватила ружье одной рукой, другой взяла за ногу тело старика и потащила за собой во тьму цеха.

Через мгновение из темноты появились шесть человек. Впереди шел Тьяго вместе с генералом Моралесом, следом двое солдат вели Марию и Густаво.

– Наконец мы встретились, Диего, – генерал развел руки в стороны. – Ты сам позвонил мне и куда-то пропал. Два дня искали тебя... А теперь ответь мне, Диего, девчонка и ее брат, где они?

Диего все это время смотрел на свою жену. Мария кивнула, надеясь, что он все расскажет.

– Молчишь, – заключил генерал. – Я не люблю угрожать, или пытаться людей. Но я способен на это. Мне нужно знать, где эти двое.

– Я ошибся насчет них, – сказал Диего. – Ошибся и поэтому не повез их к вам.

– Тогда тем более нет смысла их скрывать. У меня есть лаборатория, я научился определять оборотней волков, медведей и ягуаров... Я проверю их кровь и если они обычные люди, отпущу... Ты согласен? Или...

На поясе генерала в черных ножнах покоился покрытый серебром кинжал. Моралес подошел к Густаво, положил одну ладонь на его плечо, другую на ножны.

– Нет! – восторженно воскликнул Диего. – Хорошо... будет по-вашему.

Генерал подозвал одного из солдат:

– Отведи мальчишку в машину, ждите нас там. – затем обратился к Тьяго. – Где твой старик? И почему Диего так избит?

– Я... я не знаю, – испуганно ответил Тьяго.

– Прочь с моих глаз, завтра я с вами разберусь, – приказал генерал.

– Но...

Генерал дал Тьяго звонкую пощечину и парень понурился, пошел вслед за солдатом, уводящим Густаво.

– А с тобой у меня есть одно маленькое дельце, – теперь генерал обращался к Марии. – Я принял решение о твоей судьбе... ты нравишься мне, Мария, и я вижу, как нравлюсь тебе.

Генерал достал кинжал и подошел к пленнику. Руки Диего дрожали за спиной, ослабленные узлы почти поддались, но он не знал, хватит ли сил одним резким рывком разорвать

веревку.

– Я не собираюсь тебя убивать, – сказал генерал Диего. – Ты слишком ценный экземпляр из всех, что попадались мне в руки. Сегодня ночью ты хорошо отдохнешь, а завтра мы поедem в лес и ты покажешь мне, где прячутся твои друзья... Уверяю, вы будете жить как в раю, но сейчас я уже не могу ждать. Я должен выпить глоток твоей крови, Диего, и Мария выпьет вместе со мной.

Генерал раскрыл кинжалом рубашку на плече Диего, заметил заросшие совсем недавно следы от клыков ягуара, приставил кинжал к одной из корост, но не успел надавить, драгоценная кровь сама брызнула на него из незажившей раны, раскрывшейся от усилия, с каким Диего разорвал веревки за своей спиной. В ту же секунду раздался выстрел и голову стоявшего возле Марии солдата разнесло фейерверком из крови, осметков мозга и кусочков черепа.

Генерал бросился бежать, выхватил пистолет и выстрелил несколько раз не целясь во тьму цеха. Вдалеке отворилась дверь и внутрь ввалились несколько солдат. Второй выстрел Пилар прошел мимо цели, разорвав форму на плече генерала. В ответ загремели ружья солдат, целившихся по вспышке ружья Пилар, свист рикошетивших пуль эхом отбивался о стены цеха. Мария пригнулась, попытавшись разглядеть, куда рванул Диего, но генерал уже был рядом с ней, схватил под руки и потащил к выходу.

– Окружить здание! – приказал Моралес. – И прекратите

огонь! Они нужны мне живыми!

Он вытащил Марию наружу.

– Никуда эти гаденыши не денутся, – шипел его голос. – Сами пришли, так даже лучше!

– Генерал! – крикнул один из солдат. – Они уходят! Вон в том грузовике!

– Так чего же вы ждете! – завопил генерал.

Мария вырвалась и побежала к машинам, она надеялась, что солдаты отвели Густаво в один из автомобилей генерала. В свете прожекторов увидела бронированные вездеходы, но мальчика там не было, и ее затрясло от страха, но вот черный седан, а в нем кажется лицо ее ребенка.

Солдат сидел на месте водителя.

– Быстрее вставай! – скомандовала ему Мария. – Генерал хочет, чтобы я вела машину!

– Хорошо, – удивился, но не стал перечить солдат.

Он пересел назад, к Густаво, а Мария села на его место.

– Пристегнись, – сказала она Густаво, и защелкнула свой ремень.

Она включила зажигание, но не успела еще поехать, как дверь напротив открылась и в машину залез генерал.

– Куда это ты? – оскалился он.

– В погоню, – ответила Мария. – За Диего.

– Молодец, – улыбнулся генерал. – Ты будешь хорошей женой. Поехали!

Они выехали через грузовую проходную, вслед за везде-

ходами солдат, преследовавших грузовик с Пилар и Диего.

Вездеходы мчались к ночной сельве. Мария оглянулась, генерал и солдат были не пристегнуты, Густаво обеими руками держался за ремень. "Вот и все" – сказала себе Мария. – "Другого шанса не будет".

Она нажала на педаль газа и стрелка спидометра побежала вперед. У развилки на дороге, проскочив через небольшой холмик, свернула в лесную чащу.

– Куда ты, дура?! – закричал генерал.

– В ад, – прошептала Мария.

Вспышка света, отразившего от стремительно приближающегося дерева, озарила салон машины и фары потухли, смешавшись с кусками металла, вминавшегося внутрь. Ремень растянулся, Мария ударилась лицом о руль. Кусочки стекла на мгновение заполнили все пространство перед ней. Вся ее одежда, все вокруг было в стекле.

Генерал был рядом, склонив голову на бок, на лбу под сползшей прядью седых волос в мертвенно-голубом свете луны блеснул его мозг, но глаза генерала, все те же, серые, покрытые пеленой древних веков, до сих пор смотрели на Марию, а губы что-то шептали.

Мария выхватила из ножен генерала кинжал и с силой ударила в его грудь, твердую, словно кора мангрового дерева. Глаза Моралеса вспыхнули яростью, губы скривились от злости и Мария ударила еще, и еще, и еще, пока лицо генерала не стало разваливаться кусками стареющей плоти, уми-

рая, его тело стало мгновенно разлагаться. Солдат позади очнулся и потянулся к Марии, схватил ее за плечи, не глядя, она полоснула солдата по шее и на нее полилась ручьями горячая ярко-алая кровь. Мария схватила солдата за край воротника, потащила к себе, между передними сидениями, и ударила еще несколько раз в лицо, шею, грудь, сквозь ладони, боровшиеся до последнего.

Через миг все закончилось. Тело солдата еще билось от лившейся крови, но больше уже не принадлежало ему. На сидении рядом, в лохмотьях черной, затвердевшей плоти сжимался пожелтевший скелет генерала.

Мария выдохнула, в свете луны перед ее лицом клубился голубой пар. Положила кинжал, отцепила ремень и посмотрела назад. Густаво был цел. Все так же сидел он, вцепившись руками в ремень безопасности. Только лицо его и одежда теперь были забрызганы чужой кровью, а в глазах застыл страх, который быть может уже не покинет его до конца жизни.

– Мой маленький сын, – прошептала Мария. – Нам пора домой.

А в это время в глубине сельвы продолжалось преследование. Солдаты забыли приказ генерала не стрелять и теперь пули свистели рядом с грузовиком, украденным Пилар на заводской стоянке, взбивая землю вокруг. Дороги здесь больше не было, Пилар ехала по склону между деревьев, еще

немного и вскоре сельва станет неприступной для грузовика.

На небольшом холмике машину подбросило и пули попали в задние колеса. Одна из шин взорвалась, грузовик накренился на бок и покатился с холма вниз, повалив несколько деревьев. Сделав пару оборотов, грузовик застыл колесами вверх.

Пилар вылезла первой, пошатываясь, тут же заметила, как приближаются к ним военные вездеходы. Диего выполз через лобовое окно.

– Нам не уйти, – тяжело дыша, сказала Пилар.

Свет фар был все ближе.

– Знай, я простила тебя...

Диего вздохнул, закрыл глаза, на мгновение погрузившись в свои мысли.

– Не уйти вдвоем, – сказал он. – Я отвлеку их, а ты обратись и беги.

Он вытащил из кабины ружье. В обойме оставалось всего три патрона.

– Я не могу, – ответила Пилар. – Я давно уже не превращалась.

– Сможешь, я помогу тебе, – сказал Диего. – Доверься мне.

Было слышно, как остановились машины, и солдаты, переругиваясь, стали окружать их.

– Закрой глаза, – сказал Диего. – Расслабь мышцы и будь готова... когда все случится, беги в лес, найди Пабло, но не

ждите меня...

Пилар закрыла глаза и почувствовала, как Диего взял ее руку, закатал рукав выше плеча и прижался губами к коже.

– Я их вижу! – послышался крик солдат.

Клыки Диего впились в ее кожу и по руке потекла кровь. Пилар зажмурилась, чувствуя, как на щеках остывают слезы, Диего укусил сильнее и сознание ее стало ускользать, как когда-то давно, проваливаясь сквозь бесконечный туннель лесных звуков и шорохов, теней прошлого и будущего, где-то за пределами сознания она услышала треск рвущейся кофты и брюк, шуршание раскрывающейся кожи, из под которой потянулась к луне мягкая, нежная лисья шерсть, она слышала собственный голос, перерастающий в лисий вой, слышала, как сжимаются пальцы, как трещат кости, ломаясь и срастаясь вновь, как когти катящегося по траве, горячего тела впиваются, вспарывают землю, слышала, но не видела все это до тех самых пор, пока не открыла зеленные лисьи глаза.

Ночь вокруг стала светлее, звуки леса скользили вдоль прелого мха, влажных листьев деревьев и ярких цветов и возвращались к ней, обрисовывая пространство. В нескольких метрах от нее Диего, прижавшись плечом к кабине перевернутого грузовика, сделал выстрел и вдали раздался крик раненого.

– Беги! – обернувшись к ней, крикнул Диего. – Прошу тебя!

Слезы покатались по лицу молодой лисицы, убегающей

все глубже в ненавистный ей лес. Трава пружинила под ее мягкими лапами, лес мелькал перед ней все быстрее, быстрее, быстрее. Она слышала раздающиеся вдалеке выстрелы и крики людей, но вот прекратились и они, и нависшую на мгновение тишину разорвал наполненный болью волчий вой.

Глава восьмая.

Мягкий полуденный свет падал сквозь оплетенные разросшимися цветами окна оранжереи. Фонтанчик, изображавший реку на экспозиции сельвы, больше не бил с шумом искрясь в лучах солнца, теперь едва слышный ручеек разливался по пластиковому устью вдоль берегов из черного песка и профессор Аугусто, расположившись в кресле напротив, раскуривая трубку, собирался однажды разобрать макет леса, чтобы решить этот вопрос. Быть может, где-то протекает подающий воду шланг? Или забилося отверстие, из которого льется вода?

Профессору не хватало сил заняться этим делом. С трудом добирался он теперь, после длительного лечения, до оранжереи, усаживался в свое кресло и вспоминая последнее приключение своего героя, храброго и отважного Диего, засыпал.

Вот и сейчас Аугусто, развернув на коленях газету, задумался:

– Может быть и не стоило мне убивать тебя, мой Диего? – рассуждал он вслух, пробегая глазами по заголовкам газеты. – Пилар, что стало с ней? Говорят, она покинула город, пока я находился в больнице.

Глаза профессора слипались, послеполуденный сон манил

его, а строчки текста газеты кружились в его уставших глазах, но один странный заголовок привлек его внимание и вчитавшись, профессор узнал удивительную историю о том, как рыбаки нашли на берегу реки в глубине сельвы умирающего от ран, голого мужчину. Предсмертная агония пожирала его тело, но деревенским целителям удалось спасти его, от пережитой боли позабывшего человеческую речь, напоминавшего и повадками и внешностью скорее дикого волка, нежели человека. Иногда на него словно бы находили приступы разума, он вслушивался в вопросы и казалось, понимал их, но не мог ничего ответить. Постепенно он научился одеваться как подобает человеку, есть, используя столовые приборы, ходить на двух ногах и не скалиться всякий раз, видя проезжающие мимо деревни машины военных. Он учился и речи, слог за слогом, как маленький ребенок, но один звук, хрипящий, по-волчьи тянувшийся повторял этот мужчина в своих беспокойных снах с того самого момента, как его отыскали: "Аннннааа...", ворочаясь в постели говорил он.

Газета выпала из рук профессора, под мерное его сопение и дуновения осеннего ветра из распахнутой двери оранжереи угодила под стол, на котором возвышалась картонная сельва, в лужу, натекающую из протекающего шланга. Страницы стали размокать, но профессору было все равно. Он спал.